

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27222
304

27222.304

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

L

Handelsakademie in Brünn
Professorenbibliothek.
Obchodní akademie v Brně.
Profesorská knihovna.

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

Handelsakademie in Brünn
Professorenbibliothek.
Obchodní akademie v Brně.
Profesorská knihovna.

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

РУССКІЯ *№ 239.*

БЫЛИНЫ

Выпускъ I.

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

съ 46 РИСУНКАМИ

И. Е. ПОЛУШКИНА.

Издание И. В. ЖИРКОВА.

МОСКВА—1904.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛ., ДОМЪ № 5.

2723.2, 100
✓

Дозволено цензурою. Москва, 21 августа 1904 г.

1. ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧЪ и МИХЛА СЕЛНИКОВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольгѣ,
Молодой Вольгѣ Святославовичъ.
Сталъ Вольгѣ растѣть - матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукою - рыбою ходить въ глубокихъ моряхъ,
Птицей - соколомъ летать подъ облаки,
Сѣрымъ - волкомъ рыскать по полю.
Уходили всѣ рыбы въ синія моря,
Улетали всѣ птицы за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.

Сталъ Вольгѣ растѣть - матерѣть;
Избираетъ онъ себѣ дружинишку храброю,
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольгѣ во тридцатыхъ.
Молодой Вольгѣ Святославовичъ
Со своею дружинишкой храброю
Онъ поѣхалъ въ города за получкою.

Выѣхалъ въ раздольице-чистѣ поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольгѣ до ратая день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать;

..Выѣхалъ Вольгѣ въ раздольице-чистѣ поле.

Ъхалъ Вольгѣ со своею дружинушкой храброю
 Еще другой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать.
 Ъхалъ Вольгѣ еще третій день,
 Третій день съ утра до пѣдья,—
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ на ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ:
 Въ край онъ уйдетъ, другого не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,

А мелкіе-то каменя всѣ въ борозду валить.
Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

Говоритъ Вольгѣ таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!

...Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ.

„Орать да пахать, да крестьянствовать,
„Съ края въ край бороздки пометывать,
„Коренья, каменя вывертывать!“

Говоритъ оратай таковы слова:

- Спасибо ти, Вольгѣ Святославовичъ,
- Со своею со дружинушкой храброю! [вати.
- Мпѣ-ка надобна Божья помочь крестьянство-

- Далеко-ль Вольгѣ, ѣдешь, куда путь держишь
 — Со своею-ли со дружинушкой храброю?—

Отвѣчаетъ Вольгѣ Святославовичъ:

- „Ай же ты, рѣтаю-рѣтаюшко!
 „Ѣду я къ городамъ за получкою“.

Говоритъ оратай таковы слова:

- Ай же Вольгѣ Святославовичъ!
 — Не давно я былъ въ городѣ, третьёво-дни,
 — На своей кобылкѣ соловой
 — Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
 — Два мѣха соли по сорокъ пудъ.
 — А живутъ въ городѣ мужики, все разбойники,
 — Они просятъ съ проѣзжихъ гроши подорожные;
 — А и была со мною палочка надежная,
 — Заплатилъ я ею гроши подорожные;
 — Который стоя стоялъ, тотъ сидя сидитъ,
 — А который сидя сидѣлъ, тотъ лежа лежитъ.—

Говоритъ Вольгѣ таковы слова:

- „Ай же, оратай, оратаюшко,
 „Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужики шелковые повыстегнулъ,
 Кобылу изъ сошки повывернулъ;
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Отѣхавши далеко въ чистѣ поле,

Говоритъ оратай таковы слова:

- Ай же, Вольгѣ Святославовичъ!
 — Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 — Не для-ради прохожаго-проѣзжаго,

- Не для-ради мужика-деревенщины;
- Какъ бы сошку съ бороздки повыдернути,
- Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути,
- И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?—

Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ пять молодцевъ могучихъ
 Изъ своей дружинушки храбрыя,
 Чтобы сошку съ бороздки повыдернули,
 Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Эта дружинушка храбрая,
 Пять молодцовъ могучихъ,
 Приѣхали къ сошкѣ кленовенькой:
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ цѣлый десяточекъ,
 Чтобъ сошку съ бороздки повыдернули,
 Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
 Сошки отъ земли поднять нельзя,
 Не могутъ изъ омѣшковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Посылалъ онъ всю дружинушку храбую:
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ бороздки повыдернути,
 Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Говорить оратай таковы слова:

- Ай же, Вольга Святославовичъ!
- Плохая твоя дружинишка храбрая,
- Что плохая ли, не мудрая:
- Не могутъ сошки съ бороздки выдернути,
- Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути,
- Не могутъ бросить сошку за ракитовъ кустъ.—

Подѣхалъ самъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,
Подѣхалъ ко сошкѣ кленовенькой,
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Съ бороздки сошку повыдернулъ,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь онъ поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь отставать сталъ.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой ка ты, оратай-оратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали!“

Говорить оратай таковы слова:

- Глупый Вольга Святославовичъ!
- Взялъ я кобылку жеребенкомъ сподъ матушки,
- И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;
- Этая кобылка конькомъ бы была,
- За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—

Говорить Вольгѣ Святославовичъ:

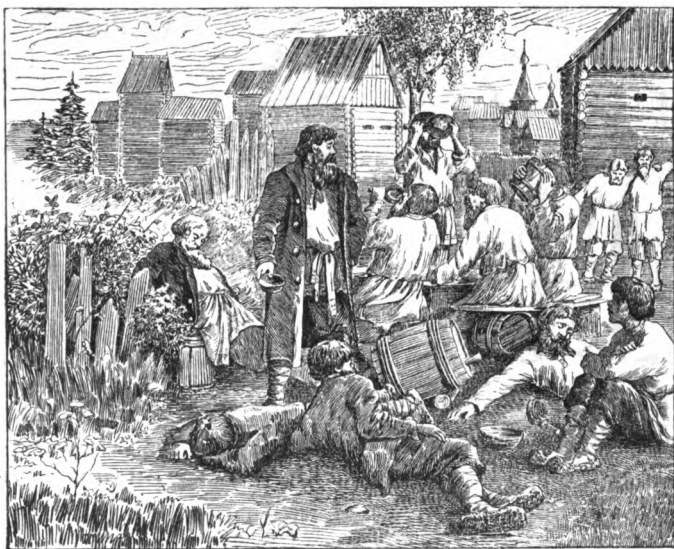
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!

„Какъ-то тебя, скажи, именемъ зовуть,

„Какъ величаютъ по отечеству?“

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольгѣ Святославовичъ!

...Пива наварю, да и мужичковъ напою.

— А я ржи напашу да въ скирды сложу,

— Домой выволочу, да дома вымолочу;

— Драни падеру, да и пива наварю;

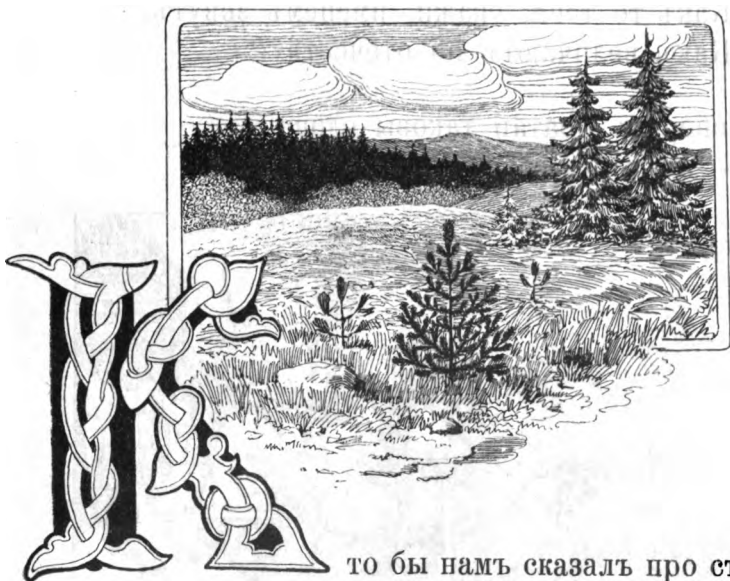
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.

— Станутъ мужички меня покликивати:

— „Будь здоровъ на многія лѣта,

— „Молодой Микула Селяниновичъ!“

2. ИЛѢ МУРОМЕЦѢ и ГОЛОВѢЙ-РАЗБОЙНИКѢ.

то бы намъ сказалъ про старое,
 Про старое, братцы, да про бывалое,
 Про того Илью, про Муромца,
 Какъ сидѣлъ онъ Илья сиднемъ тридцать лѣтъ,
 Не владѣлъ руками, ни ногами?

Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
 Во селѣ было Корочаровѣ,
 Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ Тимо-
 У него было дѣтище любимое, [ѳефеевичъ.
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Уходилъ государь его батюшка,
 Уходила государыня его матушка,
 Уходили они на работу крестьянскую.

Какъ приходили тутъ калики перехожіе
Стучались подъ окошечко косящато,

...Какъ приходили тутъ калики перехожіе.

Говорили Ильѣ таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

- Ай же вы, калики перехожіе!
- Радъ бы пустить васъ къ себѣ въ домъ,
- Не могу отворить ворота широкія,
- Сиднемъ сию цѣлыхъ тридцать лѣтъ,
- Не владѣю ни руками, ни ногами.

Опять говорятъ калики перехожіе:

„Ты вставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ!“

Какъ вставалъ тутъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
Онъ пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожіе,
Они крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ Илья чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.

Говорятъ калики таковы слова:

„Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“

Билъ челомъ Илья, каликамъ поздравствовалъ:

— Слышу въ себѣ силушку великую:

— Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
— Ко столбу было золото кольцо,
— За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ! —

Говорятъ калики перехожіе,
Говорятъ Ильѣ да таковы слова:
„Ты возьми, Илья, питьица медвянаго
„И испей чарочку во другорядъ“.

Бралъ Илья питьица медвянаго,
Выпивалъ чару безъ отдыха.

Говорятъ калики перехожіе:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
— Во мнѣ силушки — половинушка! —

Говорятъ калики перехожіе:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь;
„И смерть тебѣ въ бою не написана.
„Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
„И со всякой силой вражьєю;
„Только не бейся ты съ родомъ Микуловымъ;
„Его любить мать-сыра земля.
„Доставай себѣ коня богатырскаго,
„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ;
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты три ночи жеребчика вываживай
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи его къ тыну ко высокому;

„Какъ станетъ жеребенокъ черезъ тынь переска-
„И въ ту сторону, и въ другую сторону, [кивать,
„Поѣзжай на немъ куда хочешь,
„Будетъ онъ носить тебя, Илью Муромца“.

Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю, ко батюшку,
На ту работу на крестьянскую.
Очистить надо палъ отъ дубья-колоды:
Онъ дубы-колоды все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ ишолъ домой къ себѣ.

Вставали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
Удивились они, испужалися:
„Что это за чудо подѣялось?
„Кто бы намъ это сработалъ работушку?“
И пошли они домой да дивуются,
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избѣ...

И повѣдалъ онъ, Илья, родителямъ
Про тѣхъ каликъ перехожихъ,
Какъ поили они его питьецомъ медвянымъ,
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами
И силушку получилъ великую.

Пошелъ Илья въ раздольице — чисто поле,
Видитъ: ведетъ мужикъ жеребеночка немудраго,
Бураго жеребеночка, косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика, —
Что запросилъ мужикъ, то и далъ Илья, —

Становиль его въ срубу на три мѣсяца,
Кормиль его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поиль свѣжей ключевой водой.

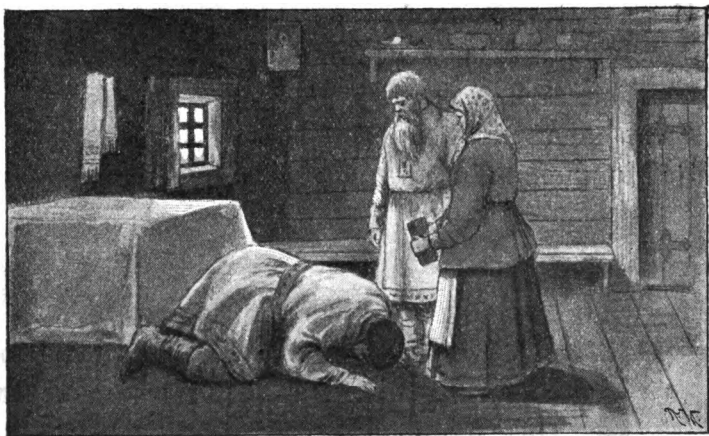
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталь Илья жеребчика три ночи вываживати
Въ три росы его выкатывати;
Подводиль ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушка черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ Ивановичъ
Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,
Самъ шелъ къ отцу къ матери
За прощеньицемъ-благословеньицемъ.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Разстилается сынъ передъ родителями,
Онъ и просить себѣ благословеньица:
— Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка,
— Государыня родная матушка!
— Дайте мнѣ свое благословеньице:
— Я поѣду въ славный Кіевъ-градъ,
— Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
— Заложиться за князя Володиміра;
— Послужить ему вѣрой-правдою,
— Постоять за вѣру христіанскую!—

Отвѣчаетъ старыйкрестьянинъИванъТимоѣевичъ:
„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
„А на худыя дѣла — благословенья нѣтъ.

„Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
„Не помысли зломъ на татарина,
„Не убей во чистомъ полѣ крестьянина!“

Поклонился Илья отцу до земли,
Садился Илья Муромецъ на добра коня,
Говорилъ самъ таково слово:
— Ай ты, добрый мой богатырскій конь,

...Растиляется сынъ передъ родителями.

— Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
— Послужи мнѣ вѣрой-правдою! —

Окольчужился Илья, облатился,
Бралъ съ собой мечъ-кладенецъ,
Бралъ съ собой тугой лукъ,
Еще бралъ глубокъ-колчанъ, калены стрѣлы,
Бралъ копье долгомѣрное,
Бралъ и палицу булатную;
Выѣзжалъ Илья во раздольице—чисто поле.

Кладеть онъ, Илья, заповѣдь великую,
Что проѣхать до Кіева дорогой прямоѣзжею,
А и рукъ дорогой не кровавити.

И выѣхавъ Илья въ раздольице-чисто поле,
Онъ ударилъ своего добра коня по тучнымъ
А и конь подъ Ильей разсержается: [бедрамъ.
Онъ первый скокъ ступилъ на пять верстъ,
А другого ускока не могли найти,
А съ третьимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Ѣхалъ мимо города Чернигова...

Подъ Черниговомъ силушки чернымъ-черно,
Чернымъ-черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силу басурманскую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени.
И подѣхалъ онъ ко городу Чернигову;
Выходили мужики-черниговцы,
Отворяли ему ворота въ Черниговъ-градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

Говорить имъ Илья таковы слова:
„Ай же вы, мужики черниговцы!
„Не стать мнѣ быть у васъ воеводою,
„А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ!“

Говорили ему мужики черниговцы:
— Ай же ты, удалъ дородный добрый молодець,
— Славный богатырь святорусскій!

- Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ
- Окольною дорожкой цѣла тысяча. [версть,
- Прямоѣзжая дороженька заколодила,
- Заколодила дорожка, замуравила,
- Залегла дорожка ровно тридцать лѣтъ.
- Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ,

...Выходили мужики черниговцы.

- Черный воронъ не пролетываетъ,
- Нѣтъ пути ни конному, ни пѣшему.
- А залегъ ту дорогу Соловей-разбойникъ:
- Сидитъ онъ, Соловей, на девяти дубахъ,
- Захватываетъ воръ-собака на девяти верстахъ,
- Свищетъ Соловей онъ по-соловьиному,
- Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
- Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
- Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.—

Стоить Илья, пораздумался:
„Не честь мнѣ хвала молодецкая
„Вхать той дорогой окольною,
„А лучше поѣду дороженькой прямоѣзжею“.
Быль Илья и нѣтъ его—
Только молодца и видѣли.

Поѣхалъ молодецъ дорогою прямоѣзжею
Черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Какъ навстрѣчу добру молодцу камышнички,
По-русскому назвать, воры-разбойнички.
Хотятъ они молодца убить-загубить.

Возговорить добрый молодецъ Илья Муромецъ:
„Охъ, вы гой еси, добры молодцы-камышнички,
„По-русски назвать, воры-разбойнички!
„Дайте вы мнѣ, молодцу, исправиться,
„Будете молодцу и кланяться!“

Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Онъ накладывалъ калену стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетиву шелковую,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ой, вы гой еси, добры молодцы!
„Въ васъ стрѣлять или въ дубъ сырой?“

Онъ стрѣльнулъ въ сыръ-матерь дубъ,
Расшибилъ сыръ-матерый дубъ
По мелкимъ ножевымъ череньямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.

Возговорилъ добрый молодецъ:

„Ой, вы гой еси, добры молодцы-камышнички!

„Полноте лежать на сырой землѣ!“

Встали добры молодцы на рѣзвы ноги,

Говорятъ Ильѣ таковы слова:

...Въ васъ стрѣлять или въ дубъ сырой?

— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ!

— Поди ты къ намъ въ товарищи,

— И будь ты у насъ атаманушкой!—

Возговорилъ добрый молодецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Иваловичъ:

„Не хочу я съ вами разбойничать,

„Самъ не хочу, да и вамъ не велю;

„А їду я во стольный Кїевъ-градъ
„Къ Володимїру князю на вспоможеніе,
„На его, князя, сбереженіе“.

Спускалъ Илья коня богатырскаго,
Поїхалъ по дороженькѣ прямоїзжей.
Пошелъ его конь богатырскїй
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерки межъ ногъ спущать.

Подїѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ ко Смородинкѣ,
Наїхалъ Илья на девяти дубахъ,
Наїхалъ онъ на Соловья-разбойника.
И слышалъ Соловей-разбойникъ младъ
Того ли топу конинаго
И тоя ли поїздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по-соловьѣному,
А въ другой зашипѣлъ, разбойникъ, по-змѣѣному,
А въ-третьи зрявкнетъ по-звѣѣному.
Подъ Ильею конь окорячился
И падалъ вѣдъ накукорячъ.

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
„Не бывалъ ты, конь, въ темныхъ лѣсахъ,
„Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
„Не слыхалъ ты пицу змѣѣнаго,
„А того ли ты крику звѣѣринаго,
„А звѣѣринаго крику, туринаго!“

Разрушаетъ Илья заповѣдъ великую,
Вынимаетъ калену стрѣлу,

Онъ стрѣляетъ въ Соловья-разбойника,
 И попалъ Соловью да въ правый глазъ.
 Полетѣлъ Соловей съ сыра-дуба
 Кокомъ внизъ ко сырой землѣ.
 Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
 Привязалъ Соловья къ лукъ сѣдельной,
 Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
 Подъѣзжаетъ ко подворью Соловья-разбойника.

..Подъѣзжаетъ ко подворью Соловья-разбойника.

Тутъ завидѣла молода жена,—
 Она хитрая была и мудрая,—
 Будила она своихъ девять сыновей,
 Говорила имъ таковы слова:
 „Ужъ вы встаньте, пробудитесь, добры молодцы,
 „Мои девять сыновъ, ясны соколы!
 „Вы подите въ подвалы глубокіе,
 „Берите мои золоты ключи,

„Отмыкайте вы мои кованы дарцы,
„А берите вы мою золоту казну,
„Выносите ее на широкій дворъ
„И встрѣчайте удала добра молодца:
„Вѣдь отецъ-то вашъ у него въ рукахъ!“

А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
Не берутъ у нея золоты ключи,
Не идутъ въ подвалы глубокіе,
Не несутъ ея золотой казны.
Обернулись они черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,—
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.

Подѣзжаетъ Илья къ широку двору.
И бросилась молода жена Соловьѣва,
А и молится—убивается:
— Гой еси ты, удалый добрый молодецъ!
— Бери ты у насъ золотой казны,
— Забирай себѣ, сколько надобно;
— Отпусти Соловья-разбойника,
— Не вози Соловья во Кіевъ-градъ!—

А его-то дѣти Соловьевы
Неучливо они поговариваютъ,
Хотятъ Соловья у Ильи силою взять.
Тутъ стегнулъ Илья своего добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ,—
Только молодца и видѣли...

Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ-градъ.
Среди двора княженецкаго
И скачилъ онъ, Илья, со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Самъ шелъ во гридню, во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею —
И на всѣ на четыре стороны.

У великаго князя Владиміра,
У него князя почестный пиръ,
А и почестный пиръ—столованье великое
А и много на пиру было князей-бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей.
И поднесли Ильѣ чару зелена вина,
Чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ Илья чару единымъ духомъ.

Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
— Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовуть,
— Какъ величаютъ по отечеству?
— А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
— По отечеству пожаловати!—

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А ты, ласковый, стольный Владиміръ князь!
„А меня зовуть—Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
„И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
„Изъ стольнаго города изъ Мурома,
„Изъ того ли села Корочарова“.

Говорять тутъ могучіе богатыри:

- А ласково солнце, Владиміръ князь!
- Въ очахъ дѣтина замирается:
- А гдѣ ему проѣхать дорогой прямоѣзжею?
- Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
- Отъ того Соловья-разбойника. —

Говорить Илѣ Муромецъ:

- „Гой еси ты сударь Владиміръ князь!
- „Посмотри мою удачу богатырскую,
- „Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ
[тебѣ!“

- И втапору Илѣ Муромецъ,
- И ясное солнышко Владиміръ князь,
- И всѣ князья-бояре, могучіе богатыри —
- Выходили всѣ на широкій дворъ
- Ко тому Соловью-разбойнику.
- И сталъ Илѣ Соловья уговаривать:
- „Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
- „Посвисти, соловей, по-соловьиному,
- „Пошипи, змѣй, по-змѣиному,
- „Зрявкни, звѣрь, по-туриному
- „И потѣшь князя Володиміра!“

- Засвисталъ Соловей по-соловьиному:
- Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей-бояръ;
- Зашипѣлъ злодѣй да по-змѣиному,
- Онъ втретѣ зрявкаетъ по-туриному:
- А князь и бояре испужались,
- На корячкахъ по двору напоззались
- И всѣ сильные, могучіе богатыри.
- И накурилъ онъ бѣды несносныя:

Гостинны кони со двора разбѣжались,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со своей душой со княгинюшкой.

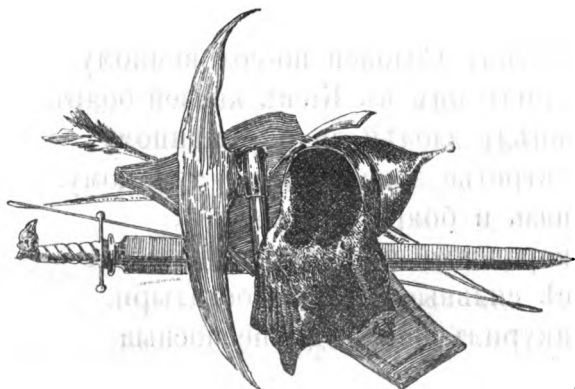
Говорить тутъ ласковѣй Владиміръ князь:

- Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ,
- Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
- Уйми ты Соловья-разбойника:
- Эта шутка намъ не надобна!—

Сталъ Илья унимать Соловья по-свойскому;
Онъ схватилъ его за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю-матушку;
Онъ вподбросъ его кидалъ выше башни наугольная,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрый камень,
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.

А и брали тутъ слуги Илью подъ руки
И вели во свѣтлую да во свѣтлицу,
Во княженецкія высокія горницы,
И садили его за дубовъ столъ,
Подчивали молодца питьями и яствами...

То старина, то и дѣянье...

3. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ПОЛЯНИЦА УДАЛАЯ.

амъ не жалко пива пьянаго,
 Не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ рѣчи хорошія
 Про славнаго богатыря Илью Муромца.

Охъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
 А еще того дальше во раздольцѣ,
 Не бѣлая заря занималася,
 Не красное солнце выкаталося;
 Выѣзжалъ тутъ удалъ добрый молодецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 На своемъ конѣ, конѣ богатырскомъ.
 Рыщетъ борзый конь по чисту полю,
 Ищетъ добрый молодецъ супротивника.

Взѣзжаетъ онъ на гору высокую
И онъ смотритъ вдаль, въ чисто поле:
Видитъ на полѣ удалую Поляницу.
Ѣздитъ Поляница на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхой богатырскою,
Мечетъ копьё въ вышину небесъ,
Подъѣзжаетъ на конѣ, самъ подхватываетъ,
Таковы слова да приговариваетъ:
„Коль легко верчу острымъ копьёмъ,
„Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ“.

Какъ слышалъ Илья Муромецъ,
Какъ слышалъ онъ злого нахвальщика,
Богатырско сердце разгорѣлося,
Говоритъ онъ таковы слова:

- Ой ты гой еси, Поляница удалая!
- Ты зачѣмъ рано похваляешься?
- Не уловя птицы, теребишь её?—

Не двѣ грозны тучи затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:
Сходилися, съѣзжались въ чистомъ полѣ
Два сильныхъ могучихъ богатыря.
Ударились первымъ боемъ — палицами желѣзными;
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили,
Въ кольцахъ палицы поломались.
Еще билися они копьями мурзавецкими, —
Длинные копья поломались,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Хватались они тягами желѣзными;
Тянулись черезъ гривы лошадиныя, —
Одинъ одного не перетягиваетъ,

Добры кони пали на-
                                 кукорячь,
 Тѣмъ боемъ другъ друга
                                 не ранили..
 Сходили прочь они со доб-
                                 рыхъ коней,
 Хватались плотнымъ бо-
                                 емъ, рукопашкою,
 Водились они не мало
                                 времени,
 По колѣнъ земля кругомъ
                                 пріобмялася.
 У Ильи правая нога спо-
                                 тыкнулася,
 А лѣвая нога подломи-
                                 лася:
 Падалъ Илья на сыру
                                 землю,
 Садился Поляница на бѣ-
                                 лы груди.

Впервой со Ильей бѣда
                                 случилася,
 Тутъ и взмолился онъ да
                                 и выговариваетъ:
 „Сколько я стоялъ за вѣру
                                 христіанскую,
 „Еще болѣ того за цер-
                                 ковъ Божию,
 „За несчастныхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ,
 „А такого сраму не имывалъ“.

...Мечетъ копье въ вышину небесъ.

Онъ собираетъ силу всю во едино мѣсто;
Не сѣрая утица востопорщится,
Илья на землѣ поворотится;
Металъ нахвальщика подъ вышину небесную,
Металъ его выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
Клалъ Поляницу на сыру землю,
Садился Поляницѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ Поляницу допрашивать:
— Ты скажись, удалый Поляница,
— Коего города ты, да которой земли?
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
— Какъ тебя, удалаго, по отцѣ чествуютъ?—

Отвѣчаетъ Поляница удалая,
Говоритъ нахвальщикъ таковы слова:
„Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
„Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
„Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
„Скоро бы споролъ груди бѣлыя!“

За обиду слово Ильѣ показалось;
Металъ онъ нахвальщика подъ вышину небесъ,
Металъ вверхъ да не подхватывалъ.
Тутъ удалому Поляницѣ и славу поютъ.

4. ИЛѢ МУРОМЕЦЬ И ЖИДОВИНЪ.

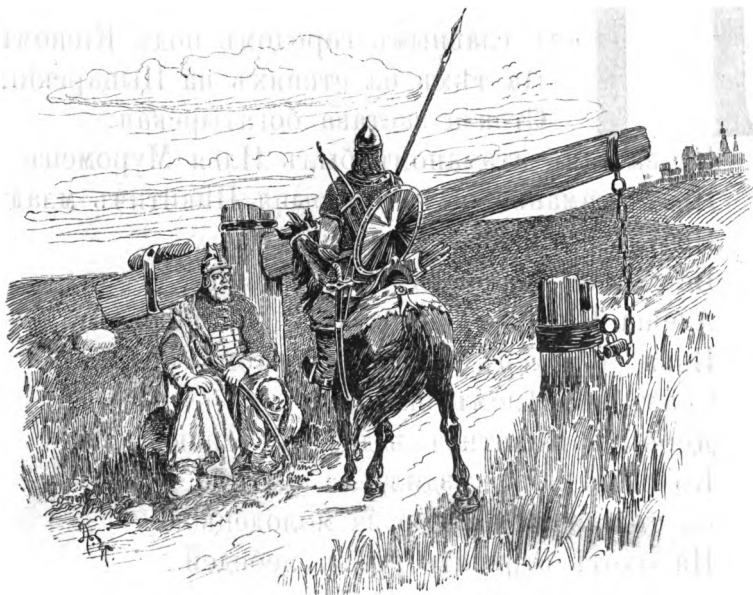
Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманомъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Ясаулъ — Алеша, поповскій сынъ.
Всѣ были братцы въ разъѣздицѣ:
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ къ синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той-ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.

Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископытъ великую.
Учалъ онъ ископытъ досматривать:
„Еще что же то за богатырь Ѣдетъ?“
А и ѣхалъ - то изъ земли изъ жидовскія,
Ѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь,
На эти степи Цыцарскія.

Приѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную.

„Ой вы гой еси, братцы, ребятушки!
 „Что на заставушкѣ углядѣли?
 „Мы что на заставушкѣ устояли?
 „Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ“.

Собирались тутъ все въ одинъ кругъ,
 Стали думу крѣпкую думати:

...Стояла застава богатырская.

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
 Положились на Алешу на Поповича:
 Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить Жидовина изъ туга лука.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
 Свѣтъ - атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребяташки, удумали:
 „У Алеши глаза завидушіе,
 „У Алеши руки загребушіе;
 „Увидить Алеша на нахвальщикѣ
 „Много злата, много серебра,
 „Злату-серебру Алеша позавидуетъ,
 „Погинетъ Алеша понапрасному“

...Еще что же то за богатырь ѣдетъ?

Положили на Добрыню Никитича:
 Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить Жидовина изъ туга лука,
 По-плечъ отсѣчь буйну голову.

Добрыня того не отпирается;
 Уздаетъ онъ коня богатырскаго,

Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плетъ шелковую.
Выѣзжаетъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Жидовина богатыря могучаго.
Закричалъ Добрыня зычнымъ голосомъ:
— Воръ, собака, нахвальщина!
— Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
— Атаману Ильѣ Муромцу не бѣшь челомъ?
— Подъ - атаману Добрынѣ Никитичу?
— Ясаулу Алешѣ Поповичу?—

Учѣлъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ онъ своего добра коня,
Попушалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать - земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалась,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ,
Самъ Добрыня - младъ Богу молится:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь скоро справился,
Уѣхалъ на заставу богатырскую.

Говорить Илья Муромецъ:
„Видно не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
„Ѣхать, знать, самому атаманушкѣ!“
Онъ уздаетъ коня богатырскаго,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—

Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плетъ шелковую.
Выѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Жидовина богатыря могучаго.
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Ясауду Алешѣ Поповичу?“

Услышалъ воръ - нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ Жидовинъ добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ да не удробился,
Сѣѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впервые палицами ударились —
У палицъ цѣвья отломались.
Саблями острыми ударились —
Остры сабли приломились,
Другъ дружку не ранили.
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта.
Махнетъ Илья рукою правою,
Поскользнулась у Ильи ножка лѣвая;
Палъ Илья на сыру землю.

Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ кинжалище булатное,
Хочетъ вспоротъ Ильѣ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечъ отсѣчь буйну голову.
Да на бою - то смерть Ильѣ не написана;
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлы груди,
Выпибалъ его выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго;
Палъ Жидовинъ да о сыру - землю,
Въ сыру землю ушелъ дѣ - поясъ.

Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ было много спрашивать,
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую,
Самъ говорилъ товарищамъ таково слово:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
„Экого чуда не наѣзживалъ!“

5. ИЛѢЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ.

Какъ во городѣ было во Кіевѣ
Появилось чудо несслыханное,
Наѣхало Идолище поганое,
Со грозой, со страхомъ со великіимъ.
Ростомъ Идолище трехъ аршинъ,
Межъ глазами у него — пята мѣрная,
Глаза у него — какъ чаши пивныя.
Бѣсть и пѣть, сидитъ да прохлаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
Грозитъ Кіевъ-градъ во полонъ взять,
А Божьи церкви на дымъ пустить.

Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Говорилъ посланникъ таковы слова:
„Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
„Ладъ - ка ты поединщика въ чисто поле,
„Поединщика да супротивника,
„Чтобы могъ онъ силушкой великою
„Съ богатыремъ Идолищемъ поправиться“.

Тутъ Владиміръ князь ужаснулся,
Приужаснулся да и закручинился.
Говоритъ Илѣя таковы слова:
— Не кручинься, князь, не печалуйся:
— На бою мнѣ смерть не написана,

— Поѣду я въ раздольище чисто поле
— Супротивъ того Идолица поганого. —

Обувалъ Илья лапотки шелковые
Надѣвалъ гуню Сорочинскую,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпу земли греческой
И пошелъ пѣшь ко Идолищу поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собою палицы булатныя,
И не взялъ съ собою сабли вострыя;
Идетъ - то дорожкой — пораздумался:
„Какъ случится не пора мнѣ - ка, не времячко,
„Не съ чѣмъ будетъ мнѣ съ Идолищемъ поправиться“.

На ту пору, на то времячко
Идетъ ему встрѣчу каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюку девяносто пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
„Уступи - тко мнѣ клюки на времячко, —
„Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому!“

Разсердился каличище Иванище,
Не даетъ клюки своей богатырской,
Здынулъ эту клюку выше головы,
Спустилъ онъ клюку во сыру землю, —
Пошелъ каличище, завѣрыдалъ...

Срядился Илья каликой перехожею,
Пришелъ въ палату бѣлокаменну,
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.

Говорилъ ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!

— Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?“

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я“.

...Идетъ ему встрѣчу каличище Иванище.

Говорить ему Идолище поганое:

— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть?

— По многу ли Илья вашъ пива пьеть?—

Говорить Илья таковы слова:

„По столько ѣсть Илья, какъ и я;

„По столько пьеть Илья, какъ и я!“

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой богатырь, да еще славится!

— На ладонь посадить, другой пришибить—

— Только блинъ одинъ съ него останется...

— Я вотъ по семи ведръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.—

...Я вотъ по семи ведръ пива пью.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Быль мой батюшка крестьяниномъ,

„У него была корова ѣдучая:

„Она много пила - ѣла и лопнула!“

Это Идолищу не слюбилося:

Схватилъ онъ кинжалище булатное

И махнулъ онъ въ калику переходящую

Со всея со силушки великія.

Пристронился Илѣя Муромецъ,
Пристронился въ сторонущку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо - то булатнѣй ножъ,
Ударилъ ножъ мимо въ простѣночекъ.
Разгорѣлось у Муромца сердце богатырское,
Хватилъ онъ съ головушки шляпу земли греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Тутъ ему Идолищу славу поютъ...

6. ИЛѢЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А изъ Орды - то, изъ Орды золотой земли,
Что не туча грозная заходила,
Подымался злой Калинъ царь,
Онъ и шелъ къ стольному городу ко
Со своею силою съ поганою; [Кіеву
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралось съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?

Зачѣмъ не разступится?

А отъ пару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ - солнце померкнуло,

Не видать луча свѣта бѣлаго;

А отъ духу, духу татарскаго,
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;

...Писалъ ярлыки скорописчаты.

Избиралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Промежъ плечами — косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
„Возьметъ Калинъ царь стольной Кіевъ-градъ,
„А Владиміра князя въ полонъ полонить,
„Божьи церкви на дымъ пускать“.

Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,
Среди двора княженецкаго,
Скочилъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ въ гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столѣ
Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:
„Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„А наскоро сдай ты намъ Кіевъ градъ,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„И безъ того кровопролитія напраснаго!“

Тутъ Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядячи въ ярлыки, заплакалъ, свѣтъ.

По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
Никого богатырей въ Кіевѣ не случилось,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
Съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.

И то у нихъ дѣло не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ,
Отколы ни взялся Василій пьяница.

Выбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
А гдѣ-то содитъ Калинъ царь;
Не попалъ въ собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя любимого,
Угодила стрѣла зятю въ правый глазъ.

И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что первую бѣду не утушили,
А другую бѣду они затѣяли...
Посылалъ онъ другого татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.

А мало время замѣшкавши,
Съ той стороны полуденныя,
Что ясный соколъ въ перелетъ летить,
Какъ бѣлый кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ поляница удалая,
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Приѣхалъ онъ во стольной Кіевъ-градъ,
Среди двора княженецката
Сскочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгиней,
И на всѣ на четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
„Гой еси, сударь Владиміръ князь!

„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесаной?“

Владиміръ князь стольно Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
„Гой еси, Илья Муромецъ!
„Пособи мнѣ думушку подумати:
„Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ-градъ,
„Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
„Безъ того кровопролитія напраснаго?

Говорить Илья таково слово:

- Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
- Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся:
- Боже Спасъ оборонить насъ!
- Насыпай ты мису чиста серебра,
- А другую красна золота,
- Третью мису скатна жемчуга
- Я поѣду съ дарами къ Калину царю.—

Пріѣхалъ Илья ко Калину царю

Въ его лагери татарскіе;

Сскочилъ Илья съ добра коня,

Калину царю покланяется,

Самъ говоритъ таково слово:

- А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
- Прими наши дороги подарочки
- Отъ великаго князя Владиміра:
- Перву мису чиста серебра,
- А другую красна золота,
- Третью мису скатнаго жемчуга;

- А дай ты намъ сроку на три дня,
- Въ Кіевѣ намъ приуправиться,
- Отслужить обѣдни съ панихидами
- По родителямъ, по усопшимъ душамъ,
- Другъ съ дружкой проститися!

Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:

- „Гой еси ты, Илья Муромецъ!
- „Выдайте вы намъ виноватаго,
- „Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльня,
- „Убилъ моего зятя любимаго!“

Говоритъ ему Илья таково слово:

- А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
- Прими наши дороги подарочки
- Отъ великаго князя Владимира;
- Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ

[отдать?—

И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ,
Не далъ сроку на три дни и на три часа.

Говорилъ Илья таково слово:

- „Собака, проклятый ты Калинъ царь!
- „Отойди съ татарами отъ Кіева,
- „Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!“

Закричалъ грозный Калинъ царь:

- Вяжите ему руки бѣлыя
- Во крѣпки чембуры шелковые!“

Втапоры Ильѣ за бѣду стало,

Говорилъ онъ таково слово:

„Собака. проклятый ты Калинъ царь!“

„Отойди прочь съ татарами отъ Кіева,
„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!“

И тутъ Калину за бѣду стало,

И плюетъ Ильѣ во ясны очи:

— А русскій людъ всегда хвастливъ:

— Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,

— Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ. —

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,

За великую досаду показалось,

Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;

Вскочилъ онъ въ полдерева стоячаго,

Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;

Схватилъ Илья татарина за ноги,

Которой ѣздилъ во Кіевъ - градъ,

И началъ татаринѣ помахивати:

Куда ли махнетъ — тутъ улица,

Куда отвернетъ — переулочекъ,

А самъ татарину приговариваетъ:

„А и крѣпокъ татаринъ не ломится,

„А жиловать, собака, не изорвется!“

Раскипѣлось сердце богатырское,

Расходилась силушка по жилочкамъ,

Онъ бьетъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;

Достальные татары на побѣгъ пошли.

Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули все,

Ай бѣгутъ они да заклинаются:

„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,

„Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!“

То старина, то и дѣянье.

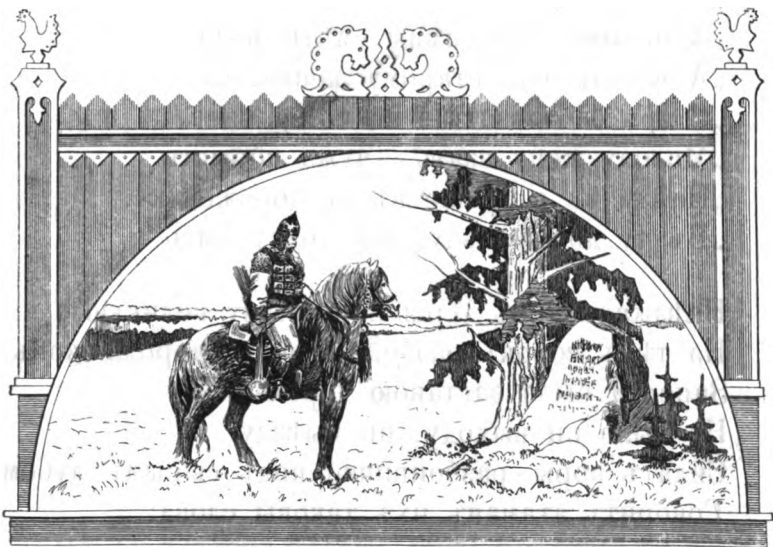
7. ТРИ ПОЊЗДКИ ИЛІИ МУРОМЦА.

е ковыль - трава въ степи качается,
 Ъздитъ въ чистомъ полѣ Илья Муро-
 Славный богатырь святорусскій. [мечь,
 А и хорошъ подъ старымъ добрый конь!
 Онъ у рѣкъ, озеръ перевозу не спрашивалъ,
 Онъ рѣки, озера перескакивалъ,
 А и мелкіе-то озера сквозь ногъ пушалъ.

Ъздилъ Илья по чисту полю,
 Отъ младости ѡздилъ до старости.
 Побѣлѣла у стараго головушка,
 Посѣдѣла у стараго бородушка.

Їдетъ старый да дивуется,
Самъ съ собою думушку думаетъ:
„Ахъ ты старость, ты старость старая!
„Застала ты старость въ чистомъ полѣ,
„Во чистомъ полѣ застала чернымъ ворономъ,
„Сѣла молодцу на буйну голову.
„Ахъ ты молодость моя, молодость молодецкая!

...А на камени подпись подписана.

„Улетѣла ты, молодость, въ чисто поле,
„Во чисто поле яснымъ соколомъ“...

Онъ и чдетъ старый по дороженькѣ
Ай на томъ ли на пути на дороженькѣ
Что лежитъ тутъ бѣлъ-горючъ камень;
А идуть отъ камня три разные дороженьки,
Три дороженьки, три разстани,—
А на камени подпись подписана:

„Въ одну дорожку ѣхать — богату быть,
„Въ другую ѣхать — женату быть,
„А въ третью ѣхать — убиту быть“.

Илья Муромецъ да онъ раздумался:
„А на что мнѣ старому богатство?
„Есть у стараго да вѣрный другъ,
„Есть у стараго его добрый конь,—
„А обоемъ намъ цѣны смѣты нѣтъ!
„А на что мнѣ старому жениться?
„Стару бабу взять — не помощница,
„Молоду жену взять — чужа корысть.
„Поѣду-ка я лучше въ ту дороженьку,
„Въ ту дороженьку, гдѣ убиту быть“.

Наѣзжаетъ онъ Илья на заставу великую,
На тѣхъ сорокъ разбойниковъ-подорожниковъ.
Заперта была заставою дороженька,
Не было ни выхода, ни выѣзду.
Сидятъ воры-разбойнички подъ сырымъ дубомъ,
Говоритъ атаманъ ихъ таковы слова:
— Ай же вы, ребята разбойники.
— Ночные вы подорожники!
— А куда-то старая собака поразѣхалась?—

И говоритъ Илья таковы слова:
„А нечего вамъ взять у стараго;
„Золотой казны за нимъ не водилося,
„Цвѣтного платья на немъ ненадѣвано;
„Только есть у молодца — самъ да добрый конь!“

Закричалъ атаманъ во всю голову:
— Ай же вы, ребята-разбойники,

- Удалые ночные подорожники!
- Еще старая собака хвастаетъ;
- Снимай-ка стараго съ добра коня!—

Самъ скочилъ старый тутъ съ добра коня,
Онъ хваталъ шапку съ буйной головы,
А и началъ онъ шалкою помахивать:
Куда махнетъ — туда улица,
А назадъ отмахнетъ — переулочекъ!

Разбилъ всю станицу разбойниковъ,
Розогналъ онъ всѣхъ воровъ - подорожниковъ.
Садился старый на добра коня
Ѣхалъ назадъ къ бѣлу камени;
Онъ старую подпись захѣривалъ,
А новую подпись подписывалъ:
„Расчищена дороженька разѣзжена
„Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ!
Ворочалъ самъ коня богатырскаго,
Ѣхалъ въ ту дороженьку широкую,
Въ ту дорожку, гдѣ женату быть.

А и будетъ Илья далече въ чистомъ полѣ,
Наѣзжаетъ онъ на палаты бѣлокаменны;
Встрѣчаетъ стараго прекрасная королевична,
Зоветъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменныя.
Сходилъ тутъ старый со добра коня,
Онъ привязывалъ его къ золоту кольцу
У того ли крыльца да у косящата.
Брала стараго прекрасная королевична,
Вела въ свой въ высокъ теремъ,
Сажала за столы за бѣлодубовые

За тѣ яства за сахарныя,
За сладкіе меды разымчатые.

Они пьютъ, ѣдятъ да прохлаждаются
Во весь долагъ день до вечера.
Выходя изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Говорилъ Илья прекрасной королевичнѣ:
„А ты, душечка, прекрасна королевична!
„А и гдѣ твоя кровать тесовая,
„Гдѣ бы мнѣ склонить головушку,
„А и гдѣ бы старому да опочинуться?“

Тутъ брала она его за руки бѣлыя,
Вела ко своей ко кроваткѣ тесовой,
Что во свѣтлыя да во свѣтлицы.
Стоитъ старый у кровати, самъ дивуется,
Головой качаетъ, приговариваетъ:
„Сколько я по святой Руси не ѣзживалъ,
„А такого чуда вѣкъ не видывалъ:
„Да хоть - что кроватка та подложная!

Онъ хваталъ королевичну за бѣлы руки,
Да бросалъ ее на кроватку тесовую,
На тѣ на перины на пуховыя.
Повернулась въ глазахъ кроватка, тесовая,
Увалилась королевична въ глубокъ погребъ.
Выходилъ тогда старый на улицы,
Онъ колодыя отъ глубока погребѣ отваливалъ,
Отпиралъ замки заморскіе,
Отворялъ двери тяжелыя.
Ай выходили съ погребѣ сорокъ царей, сорокъ
Сорокъ королей, сорокъ королевичей, [царевичей,
Сорокъ сильныхъ богатырей могучихъ.

Говорилъ Илья таковы слова:

„Вы подите, цари, ко своимъ землямъ,
„А вы, сильные богатыри, къ добрымъ конямъ,
„Къ добрымъ конямъ да ко своимъ мѣстамъ!“

Онъ выдергивалъ тутъ саблю вострую
Да рубилъ ея прекрасную королевичну,
На мелки куски да разбрасывалъ,
Разметывалъ куски по чисту полю—
Сѣрымъ волкамъ на съѣденіе,
Чернымъ вѣронамъ на пограянье.

Садился старикъ на добра коня
Ѣхалъ опять къ камени горячему,
И другую подпись онъ захѣривалъ,
А по-своему старый подписывалъ:
„Очищена дорожка, проѣзжена
„Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ“.

Говорить Илья таковы слова:

„Ужъ и съѣздить ли не съѣздить мнѣ въ третью
„Посмотрѣть не посмотрѣть богатство? Дорожку?
И поѣхалъ онъ тою дороженькой
Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева
Къ славному городу Царю - граду;
Наѣхалъ онъ на дорогѣ пречудной крестъ.
Придержалъ маленько Илья Муромецъ,
Придержалъ да своего добра коня,
Стоитъ у креста, головой качаетъ,
Головой качаетъ, приговариваетъ:
„Сколько я по святой Руси не ѣзживалъ,
„А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
„Да и этотъ крестъ не простъ стоитъ!“

Сходилъ Илья тутъ со добра коня,
Бралъ крестъ рукой съ земли.
А подь тѣмъ крестомъ да былъ глубокъ погребъ,
Онъ наполненъ погребъ златомъ серебромъ,
А и столько въ немъ, что смѣты нѣтъ.

Ворочался Илья въ славный Кіевъ-градъ,
Построилъ онъ церковь соборную,
Соборную да богомольную,
Во славу Креста Живоначалаго.
Да и тутъ вѣдь Илья окаменѣлъ,
И донинѣ его мощи нетлѣнныя.

8. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ И ЗМѢЙ ГОРЫНЫЧЪ.

обрынюшкѣ матушка говаривала
Никитичу матушка наказывала:
„Ты не ѣзди, дитѣ, въ чисто поле

„На ту гору Сорочинскую,
„Не топчи младыхъ змѣенышевъ,
„Не выручай полоновъ русскихъ,
„Да не купайся ты въ Пучай-рѣкѣ:
„Пучай-рѣка она свирѣпая,
„Средняя струйка, какъ огонь, сѣчетъ“

Добрыня матушки не слушался.
Сѣдлалъ-то онъ коня богатырскаго
И ѣдетъ далече въ чисто поле,
На ту гору Сорочинскую,

Потопталъ много младыхъ зміёнышевъ,
 Всѣхъ повыручилъ цолоновъ русскіихъ.
 Богатырско его сердце разгорѣлося,
 Его бѣлое тѣло распотѣлося;
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня да ко Пучай-рѣкѣ,
 Скоро слѣзалъ съ добра коня,
 Снималъ Добрыня платье цвѣтное,
 Онъ забрелъ за струйку первую,
 Онъ забрелъ за струечку среднюю,
 И самъ говорилъ таково слово:
 „Не правду матушка говаривала,
 „Мнѣ родная Добрынюшкѣ наказывала!
 „Пучай-рѣка кротка, смирна,
 „Она будто лужа дождевая“.

Не успѣлъ Добрыня словца молвити,
 Вѣтра нѣтъ — тучу нанесло,
 Тучи нѣтъ — будто дождь дождить,
 Дождя нѣтъ, только громъ гремитъ,
 Громъ гремитъ, свищетъ молонья.
 Какъ летитъ змѣище Горынчище,
 О двѣнадцати онъ змѣй хоботахъ.
 Говоритъ змѣй Добрынѣ таковы слова:
 „Теперь, Добрыня, ты въ моихъ рукахъ,
 „Захочу — Добрыню въ рѣкѣ потоплю,
 „Захочу — Добрыню съѣмъ-сожру!“

Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ былъ, —
 Нырнетъ на бережокъ на тамошній,
 Вынырнетъ на бережокъ на здѣшній.
 Недосугъ было Добрынѣ одѣваться,

Недосугъ было Добрынюшкѣ сряжаться;
Ухватилъ онъ колпакъ свой земли греческой,
А и вѣсомъ колпакъ въ цѣло три пуда,
Онъ шибнетъ колпакомъ змѣю проклятую
И отшибъ ему всѣ двѣнадцать хоботовъ.

Тутъ упала змѣя въ ковыль траву,
Тутъ Добрынюшка да онъ повертокъ былъ,

...О двѣнадцати онъ змѣй хоботахъ.

Скоро скочилъ змѣю на бѣлы груди.
На крестѣ у молодца былъ булатный ножъ.
Хочетъ Добрыня распластать груди змѣиныя.

Тутъ взмолился змѣище Горынчище:
„Ахъ ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!
„Положимъ съ тобою заповѣдь великую:
„Тебѣ не ѣздити въ чистó поле

„На ту гору Сорочинскую,
„Не топчатъ больше младыхъ зміенышевъ,
„Не выручатъ полоновъ русскіихъ,
„Не купаться Добрынь въ Пучай-рѣкѣ;
„А мнѣ не летать на святую Русь,
„Не копить больше полоновъ русскіихъ“.

Онъ повыпустилъ змѣя съ-подъ колѣнъ своихъ,
Поднялась змѣя вверхъ подъ облаку,
Полетѣла змѣя на Кіевъ-градъ.
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Запаву, дочь Путятичну,
Идучись по улицѣ широкой.
Припадалъ Змѣище Горынчище
Изъ-подъ облакъ ко сырой землѣ,
Захватилъ онъ князеву племянницу
Унесъ съ собою за Пучай-рѣку
Въ свою нору да во глубокую.

Тутъ солнышко Владимірѣ-князь
Онъ по три дня кличъ-скликалъ,
Вызывалъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
Кто бы съѣздилъ далече въ чисто поле
На тую гору Сорочинскую,
Сходилъ бы въ нору да во глубокую,
Кто бы могъ достать князеву племянницу,
Молоду Запаву, дочь Путятичну.

Тутъ все́ молодцы да закорилися,
А и большій прячется за меньшого
А отъ меньшого князю отвѣта нѣтъ.

Говорилъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ты солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій,
„Накинь-ка эту службу великую
„На того Добрыню на Никитича:
„У него съ Змѣемъ заповѣдь положена.

...Идучись по улицѣ широкой.

„Что не летать-то змѣю на святую Русь,
„А ему не ѣздить далече въ чисто поле,
„Не топтать младыхъ змѣенышевъ,
„Не выручать полоновъ русскіихъ.
„Такъ возьметъ онъ князеву племянницу,
„Молоду Запаву, дочь Путятичну,
„Безъ бою, безъ драки-кровопролитія“.

Тутъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Накинулъ эту службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Пошелъ домой Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня запечалился.
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка,
Честна вдова Афімья Александровна:
„Ты, роженое мое дитятко,
„Молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ!
„Ты что идешь съ бесѣдушки невесель?
„Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?
„Или чара на пиру шла не порядку?
„Аль дуракъ надъ тобой насмѣялся - де?“

Говорилъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:

- Государыня ты родна матушка,
- Честна вдова Афімья Александровна!
- А и мѣсто было мнѣ по отчинѣ,
- И чарой на пиру меня не обнесли,
- И дуракъ - то надо мной не смѣялся - де;
- А накинулъ на меня службу великую
- Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,
- Что съѣздить - то далече во чисто поле,
- На тую гору Сорочинскую,
- Ко тому змѣю Горынчищу,
- Что повыручить князеву племянницу,
- Молоду Запаву, дочь Путятичну.—

Говорить Добрынѣ родная матушка,
Честна вдова Афімья Александровна:
„Ложись - ка спать рано съ вечера,
„Утро будетъ оно мудрое,
„Мудренѣе утро будетъ вечера“.

Онъ вставалъ поутру ранешенько,
Умывался Добрыня бѣлешенько,
Срягается далече во чисто поле.
Идетъ онъ на конюшенку стоялую.
Беретъ въ руки уздечку тесмянную,
Беретъ дѣдушкова добра коня,
Сѣдлаетъ бурка въ сѣделышко черкасское,
Онъ на потнички кладетъ потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сѣделышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
А тринадцатую клалъ для крѣпости,
Чтобы добрый конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Не оставилъ пѣшь въ чистомъ полѣ.

Выѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
На прощенье ему матушка плетку дала,
Сама говорила таково слово:
„Какъ будешь далече въ чистомъ полѣ
„Потопчешь младыхъ змѣнышевъ,
„Подточать они у бурка щеточки,
„Не можетъ больше бурушко поскакивать,
„Младыхъ змѣнышевъ съ ногъ отряхивать,—
„Ты возьми эту плеточку шелковую
„Ты бей бурка промежду ушей,
„Стегай его промежу ноги,
„Про между ноги да между заднія:
„Станетъ бурушко поскакивать,
„Змѣнышевъ отъ ногъ отряхивать,—
„Ты притопчешь всѣхъ ихъ до одинаго“.

Какъ будетъ онъ далече въ чистомъ полѣ,
За той горой высокою,

Потопталъ онъ младыхъ зміенышевъ,
Подточили они у бурка щеточки,
Не можетъ больше бурушко поскакивать,
Зміенышевъ отъ ногъ отряхивать,
Тутъ молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ,
Беретъ онъ плеточку шелковую,

...На прощенье ему матушка плетку дала.

Онъ бьетъ бурка промежу ушей,
Промежу ноги, межу заднія,
Тутъ сталъ его бурушко поскакивать,
Зміенышевъ отъ ногъ отряхивать,
Притопталъ онъ ихъ всѣхъ до одинаго.

Выходила змѣя проклятая
Изъ-подъ земля, норы глубокия

И говоритъ Добрыня таковы слова:

„Ахъ ты гой, Добрынюшка Никитичъ!

„Ты, знать, нарушилъ свою заповѣдь,

„Зачѣмъ притопталъ моихъ зміенышевъ?“

Говорилъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:

— Ахъ ты, змѣй проклятый Горынчище!

— Чортъ-ли вѣсь тебя чрезъ Кіевъ-градъ,

— Зачѣмъ взялъ князеву племянницу,

— Молоду Запаву, дочь Путятичну?

— Ты отдай мнѣ князеву племянницу

— Безъ бою, безъ драки-кровопролитія! —

Заводила змѣя бой, драку великую,

Они бились-дрались цѣло трои сутки,

А не могъ Добрыня змѣя перебить.

Хочетъ Добрыня отъ змѣя отстать,

Какъ тутъ Добрыня отъ коня голосъ былъ:

„Молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ!

„Дрался со змѣемъ ты трои сутки,

„Подерись со змѣемъ еще три часа,

„Ты побьешь въ конецъ змѣю проклятую!“

Онъ подрался со змѣемъ еще три часа,

Онъ побилъ змѣю въ конецъ проклятую.

Тая змѣя она кровью пошла.

Говоритъ Добрыня таковы слова:

„Разступись ты, мать сыра земля,

„На четыре разступись на четверти,

„Ты пожри кровь всю змѣиную!“

Онъ бралъ въ руки копые мурзавецкое

И ударилъ въ землю со всего плеча.

Разступилась матушка сыра земля,
Пожрала она кровь всю змѣиную...

А сдѣлавъ дѣло, Добрыня въ нору пошелъ:
А и сидитъ въ норѣ сорокъ царей, сорокъ царе-
Сорокъ королей да королевичевъ, [вичевъ,
А простой-то силы — той смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня царямъ да царевичамъ,
И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
„Вы идите всѣ, откель принесены,
„А ты, молода **Запала**, дочь Путятична,
„Для тебя я эдакъ теперь **странствовалъ**,
„Ты поѣдемъ ко городу ко Кіеву,
„Ко ласковому поѣдемъ князю Владиміру!“

А и было въ Кіевѣ у князя Владиміра,
А и было пированьцо цѣло три дни
А для-ради Добрыни Никитича.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ.
А синему морю да на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

9. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ

говорить Добрыня родной матушкѣ:
„Свѣтъ государыня родна матушка!
„Ты зачѣмъ меня несчастнаго спородила?
„Породила бы, государыня родна матушка,
„Ты бы бѣлымъ горячимъ камешкомъ
„Да спустила бы камень въ сине море;
„Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
„А не ѣздилъ бы по чисту полю,
„Не убивалъ бы неповинныхъ душъ,
„Не проливалъ бы крови напрасныя,
„Не слезилъ бы отцевъ, матерей,
„Не вдовилъ бы молодыхъ женъ,
„Не пускалъ сиротъ малыхъ дѣтушекъ!“

Отвѣтъ держать государыня его матушка,
Честна вдова Афімья Александровна:

- Я бы рада тебя, дитятко, спородити
- Таланомъ - участію въ Илью Муромца,
- Смѣлостью въ смѣлаго Алешу Поповича,
- А походкою въ Чурилу Пленковича;
- Да не моя въ томъ воля родительская:
- Сколько есть въ тебѣ, другого Богъ не далъ,
- Другого Богъ не далъ, не пожаловалъ. —

Тутъ честна вдова Афимья Александровна
Она горько - горько расплакалась,
Учала по горенкѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
Даетъ Добрынѣ прощеньице - благословеньице,
Провожаетъ далече въ чисто поле.

А у стремени да тутъ у лѣвья
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья, дочь Никулична,
Сама говорила таково слово:
„А и свѣтъ ты мой, свѣтъ Добрыня Никитичъ!
„А ты скоро ли, Добрынюшка, домой будешь?
„Когда сожидать Добрыню съ чиста поля?“

Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитичъ:
— Когда у меня ты стала спрашивать,
— Тогда я стану тебѣ сказывать:
— Сожидай Добрынюшку три года;
— Если въ три года не буду, жди еще три года,
— А какъ сполнится времени шесть годовъ,
— Да не буду я домой изъ чиста поля,
— Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,

- А тебѣ тогда, Настасья, воля вольная:
- Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
- Только не ходи за смѣлаго Алешу Поповича,
- Моего братца названнаго...

Стала дожидать его по три года.
День за днемъ—будто дождь дожжить,

...А у стремени да у лѣвыя провожала Добрыню молода жена.

Недѣля за недѣлей—какъ ручей бѣжить,
А годъ за годомъ—какъ рѣка течеть.
Прошло тому времени три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ—будто дождь дожжить,

Недѣля за недѣлей—какъ ручей бѣжить,
 А годъ за годомъ—какъ рѣка течеть.
 Прошло тому времени шесть годовъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

На ту пору, на то времячко
 Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
 Привозилъ онъ вѣсточку не радостну,
 Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
 Тогда государыня родна его матушка
 Жалѣшенько по немъ плакала,
 Слезила она очи ясныя,
 Скорбила она лицо бѣлое
 По своемъ роженѣмъ дитяткѣ,
 По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.

Сталъ солнышко - Владиміръ тутъ похаживать,
 Настасья Никуличной посватывать:
 „Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
 „Молодой вѣкъ свой коротати?
 „Поди замужъ за смѣлаго Алешу Поповича,
 За славнаго богатыря русскаго!“

Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:

- Я исполнила заповѣдь мужнюю,
- Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ, —
- Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
- Я исполню заповѣдь свою женскую:
- Я прожду Добрынюшку еще шесть годовъ,
- А какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
- Не дождусь Добрыни изъ чиста поля,
- И въ ту пору успѣю замужъ пойти,

- Тогда сватайте хоть за князя, хоть за боярина,
- Хоть за русскаго могучаго богатыря,
- А хоть за смѣлаго Алешу Поповича! —

Опять день за днемъ — будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей — какъ ручей бѣжитъ,
А годъ за годомъ — какъ рѣка течетъ.
Прошло тому времени еще шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.

Приѣзжаетъ тутъ Алеша Поповичъ,
Приѣзжаетъ тутъ Алеша во другой разъ,
Привозитъ онъ вѣсточку не радстную,
Что давно лежитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
А плеча его испрострѣяны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ въ часть ракитовъ кустъ,
А проросъ давно ковылемъ - травой...

Сталь солнышко - Владиміръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой свой вѣкъ коротати?
„Поди замужъ за смѣлаго Алешу Поповича,
„Славнаго богатыря русскаго!“

Говорила тутъ Настасья Никулична:

- Я исполнила заповѣдь мужнюю:
- Я ждала Добрынюшку цѣло шесть годовъ;
- Я исполнила заповѣль свою женскую:

— Я ждала Добрынюшку друго шесть годовъ,—
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я пойду замужъ за смѣлаго Алешу Поповича,
— За славнаго богатыря русскаго!

Его государыня - то родна матушка,
Честна вдова Афімья Александровна,
Учала тутъ по палатѣ похаживати,
Учала она голосомъ поваживать;
Садилась подъ окошечко косяшато,
Во слезахъ она горько расплакалась,
Жалешенько выговаривала:

„Едино было на небѣ красное солнышко,
„Да за темные лѣсушки оно закатилося;
„Оставался на небѣ свѣтель мѣсяцъ,
„А и свѣтлый мѣсяцъ закатается!
„Единое было у меня чадо любимое,
„Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
„Да лежитъ онъ далече въ чистомъ полѣ;
„Оставалась его мила семья,
„Молода Настасья, дочь Никулична,
„И тое нынѣ замужъ берутъ!..

На ту пору, на то времячко,
Какъ далече - далече во чистомъ полѣ
Ѣдетъ Добрыня на добромъ конѣ,
У Добрыни конь да спотыкается.
Говоритъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:

„Ахъ ты волчья сыть, да медвѣжья шерсть!
„Ты чего сегодня подтыкаешься?“

Испроговоритъ ему добрый конь,
Ему голосомъ да человѣческимъ:

— Ахъ ты гой еси, хозяинъ мой любимый!

— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь,

...У Добрыни конь да потыкается.

— А твоя Настасья, свѣтъ, Никулична,

— Твоя мила семья, замужь пошла

- За смѣлаго Алешу Поповича.
- Какъ пиръ у нихъ идетъ по третій день,
- А сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
- Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—

Тутъ молодой Добрынюшка Никитичъ
 Онъ бьетъ бурка да промежу уши,
 Промежу уши да промежу ноги,
 Что сталь его бурушко поскакивать,
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Онъ рѣки и озера перескакивалъ,
 Гдѣ широкія раздолья — межу ногъ пуцалъ.

Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летѣлъ,
 Добрый молодецъ да въ перегонъ гонить.
 Подъѣзжаетъ молодецъ ко Кіеву.
 Не воротми ѣхалъ онъ — черезъ стѣну,
 Черезъ тую стѣну городобую,
 Мимо самой башни наугольной,
 Ко тому придворью ко вдовиному.
 Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя.
 Онъ крестъ кладетъ по-писанному,
 Онъ поклонъ ведетъ по-ученому:
 На всѣ три, на четыре стороны,
 Честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ въ особину:
 „Здравствуешь, честная вдова Афимья Алексан-
 [дровна!“

Говоритъ Афимья Александровна:

- Охъ ты гой, удалый добрый молодецъ!
- Ты зачѣмъ же ѣхалъ во сиротскій дворъ да
 безобсмысленно?

- А въ палаты идешь да бездокладочно?
- Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
- У дверей не спрашивалъ придверниковъ?
- Кабы было живо мое чадо милое,
- Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
- Обрубилъ бы онъ тебѣ - ка буйну голову
- За твои поступки неумильные. —

Говорилъ удалый добрый молодецъ:

- „Я вчерась съ Добрыней поразѣхался;
- „Онъ поѣхалъ Добрыня къ Царю - граду,
- „Я поѣхалъ да ко Кіеву“.

Говорить честна вдова Афимья Александровна:

- Ты зачѣмъ же, молодецъ, да насмѣхаешься?
- Во тую ли было пору, во перво шесть лѣтъ,
- Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
- Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:
- Что нѣтъ жива Добрынюшка Никитича:
- Онъ убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
- Буйна голова его испроломана,
- Могучи плечи да испрострѣяны,
- Головой лежитъ въ часть ракитовъ кустъ,
- Весь поросъ да ковылемъ - травой.
- Я жалехонько тогда по немъ плакала,
- Я слезила свои очи ясныя,
- Я скорбила въ слезахъ лицо бѣлое
- По своемъ роженѣмъ дитяткѣ
- Молодомъ Добрынѣ, свѣтъ, Никитичѣ. —

Говорилъ удалый добрый молодецъ:

- „Что наказывалъ мнѣ братецъ - отъ названный,

„Молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ,
„Спросить про его про любиму семью,
„Про молодую Настасью про Никуличну!“

Говорить Афімья Александровна:

- А и поздно спохватилися спрашивать:
- Добрыни любима семья замужъ пошла
- За смѣлаго Алешу за Поповича.
- Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
- А сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
- Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—

Говорилъ удалый добрый молодецъ:

„А наказывалъ мнѣ братецъ - отъ названный
„Если случитъ Богъ быть на пиру тебѣ въ Кіевѣ,
„То возьми мое платье скоморошское,
„Да возьми мои гусельки яровчаты —
„Въ новой горенкѣ да все на стопочкѣ“.

Какъ бѣжала тутъ Афімья Александровна,
Подавала ему платье скоморошское,
Подавала молодцу гусли яровчаты.
Накрутился молодецъ какъ скоморошиной
Да пошелъ онъ на хорошъ почестенъ пиръ,
Прямо идетъ на княженецкій дворъ.
Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
Тутъ онъ крестъ кладетъ по-писанному,
Онъ поклонъ ведетъ по-ученому,
На всѣ на три, на четыре стороны,
Солнышку - Владиміру да въ особину:

„Здравствуй солнышко-Владиміръ стольно Кіевскій
„Съ молодой княгиней Апраксѣюшкой!“

Вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,
Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу творять,
Сами говорятъ да таково слово:

- Солнышко - Владимиръ стольно-Кіевскій!
- Какъ эта удала скоморошина
- Натѣхала изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
- А теперича идетъ да скоморошиной,
- Насъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
- У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
- Всѣхъ насъ взяшей прочь отталкивалъ,
- Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія!—

Говорилъ Владимиръ стольно - Кіевской:

- „Ахъ ты гой еси, удала скоморошина!
- „Зачѣмъ шелъ на княженецкій дворъ да безобсы-
- „Къ намъ въ палаты идешь бездокладочно? [лочно?
- „Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
- „У дверей не спрашивалъ придверниковъ?“

Говорить удала скоморошина:

- Солнышко - Владимиръ стольный Кіевскій!
- Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?—

Говорилъ въ сердцахъ Владимиръ стольно-Кіевскій?

- „Что ваше есть мѣсто скоморошское
- „А на той на печкѣ на муравленой,
- „На муравленой на печкѣ да на запечкѣ!“

Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показано,
На ту печку на муравлену,

Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
 А другія струночки золоченыя,
 Онъ учалъ по струнамъ похаживать,
 Да онъ учалъ голосомъ поваживать.
 Играетъ-то онъ вѣдь во Кіевѣ,
 А на вѣнгрышъ беретъ во Царюградѣ.
 Онъ поигрывалъ во градѣ во Кіевѣ,
 Онъ во Кіевѣ да всѣхъ поименно,
 Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго.
 Тутъ всѣ на пиру игры заслушались,
 И всѣ на пиру призамолкнулись,
 Сами говорятъ да таково слово:
 „Солнышко - Владиміръ стольно - Кіевскій!
 „Не быть удалой скоморошины
 „А кому ни быть надо—русскому
 „Быть удалому да добру молодцу!“

Говоритъ Владиміръ стольно - Кіевскій:
 — Ахъ ты гой, удала скоморошина!
 — За твою игру да за веселую
 — Спускайся - ко изъ - печки изъ запечья
 — Садись - ка съ нами за дубовъ столъ,
 — А за дубовъ столъ да хлѣба кушати!
 — Выбирай себѣ мѣсто любимое:
 — Перво мѣсто — сядь подлѣ меня,
 — Друго мѣсто — супротивъ меня,
 — Третье мѣсто — куда самъ захошь,
 — Куда самъ захошь, гдѣ пожелаешь!

Опускалась скоморошина съ печи муравленой,
 Да не сѣла скоморошина подлѣ князя,
 Да не сѣла скоморошина супротивъ князя,

А садилась на скамеечку
 Супротивъ княгини - то обручныя,
 Противъ молодой Настасьи да Никуличны.
 Говорить удаля скоморошина:
 „Благослави, солнышко - Владиміръ князь,
 „Благослави налить чару зелена вина,
 „Поднести - то чару, кому я знаю,
 „Кому я знаю, кому пожалую!“
 Наливали тутъ чару зелена вина,

...Подносилъ-то онъ чару княгини обручныя.

Подносили чару удалой скоморошинѣ;
 Опускалъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
 Подносилъ - то княгини порученья,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 — Ты молодая Настасья, дочь Никулична!
 — Прими - ко эту чару единой рукой,
 — Да ты выпей - ко всю чару единымъ духомъ!
 — Какъ ты выпьешь до дна, такъ увидишь добра,
 — А не выпьешь до дна, не увидишь добра.

Она брала чару единой рукой,
Да выпивала всю чару единымъ духомъ,
А и видитъ въ чарѣ свой злаченъ перстень,
А которымъ съ Добрыней обручалася,
Сама говоритъ таково слово:
„Солнышко - Владиміръ стольно - Кіевскій,
„И всё гости да вы, гости званые!
„Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
„А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
„Подносить мнѣ чару зелена вина!

Сама выскочить изъ стола изъ - за дубоваго,
Да упала Добрынѣ во рѣзвы ноги,
Сама говоритъ да таково слово:

- Ты прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
- Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
- Что не по твоему наказу - де я сдѣлала,
- Я за смѣлаго Алепу замужъ пошла! —

Говорилъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:

- „Не дивую разуму я женскому:
- „Мужъ - отъ въ лѣсъ — жена замужъ пойдетъ,
- „У нихъ волосъ, дологъ, да умъ коротокъ,
- „Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ;
- „А дивую я солнышку - Владиміру
- „Съ молодой княгиней Апраксіей,
- „Что солнышко - Владиміръ тотъ сватомъ былъ,
- „А княгиня - то Апраксія была свахою,
- „Они у жива мужа жену просватали“...

Тутъ Солнышку - Владиміру къ стыду пришло,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю.

Говорить Алеша Поповичъ младъ:

„Ты прости, прости, братецъ названный,
„Молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ!
„Ты въ той винѣ прости меня, во глупости,
„Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!“

Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

— А въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ простить,
— Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
— Подлѣ молодой Настасьи Никуличны!
— А въ другой винѣ, братецъ, тебя не прощу:
— Когда пріѣзжалъ ты изъ чиста поля,
— Привозилъ ты вѣсточку фальшивую,
— Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
— Что лежитъ убитъ онъ въ чистомъ полѣ.
— Государыня моя родная матушка
— Жалешенька она тогда плакала,
— Слезила она свои очи ясныя,
— Скорбила по мнѣ свое лицо бѣлое,—
— Такъ въ этой винѣ, братецъ, тебя на прощу!—

Какъ ухватилъ онъ Алешу за желты кудри,
Да выдернетъ Алешу черезъ дубовъ столъ,
Какъ онъ броситъ его да о кирпиченъ мостъ,
Да повыдернетъ шальпу подорожную,
Да онъ учалъ шальпою Алешу охаживать,
Что въ хлопанѣ - то оханья не слышно вѣдь...
Только - то Алешенька и женатъ бывалъ!

Всякъ - то, братцы, на вѣку женится,
Да не всякому женитьба удавается,
Не дай Богъ женитьбы той Алешиной.

10. ДАНИЛА ДЕНИСЬЕВИЧЪ И ВАСИЛИСА НИКУЛИЧНА.

солнышка было у Владиміра
 Было пированьицо почестное,
 Честно и хвально, больно радышно,
 На многи князья и бояры,
 На сильныхъ могучихъ богатырей.
 Въ полсыта на пиру всѣ наѣдалися,
 Въ полпьяна на пиру всѣ напивалися,
 Промежъ себя бояры расхвастались:
 Сильный- ать хвастаетъ силою,
 Богатый хвалится богатствомъ.

Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
 Тутъ возговорить самъ Владиміръ князь:
 „Охъ ты гоѣ еси, Данилушка Денисьевичъ!
 „Что же ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
 „Али нѣту у тебя золотой казны?
 „Али нѣту у тебя молодой жены?
 „Али нѣту у тебя платья цвѣтнаго?

Отвѣтъ держать Данила Денисьевичъ:

- Ужъ ты, батюшка нашъ, Владиміръ князь!
- Есть у меня довольно золотой казны,
- Еще есть у меня и молода жена,
- Да и есть у меня платьѣ цвѣтное;
- Нѣшто такъ я это призадумался. —

Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.

Тутъ возговорить самъ Владиміръ князь:

- „Охъ вы гой еси, мои гости званые!
- „Ужъ всѣ у меня переженены,
- „Только я одинъ холостъ хожу.
- „Вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
- „Вы хорошую и пригожую,
- „Чтобъ лицомъ красна и умомъ свершна,
- „Чтобъ было кого назвать вамъ матушкой,
- „Величать бы государыней“.

Изъ - за лѣвой было изъ - за стороночки,

Тутъ возговорить Мишаточка, Путятинъ сынъ:

- Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
- Много я ѣзжалъ по чужимъ землямъ,
- Много видалъ я королевиченъ,
- Много видалъ и изъ ума пыталъ:
- Котора лицомъ красна — умомъ не свершна,
- Котора умомъ свершна — лицомъ не красна,
- Не нахаживалъ я той красавицы,
- Не видывалъ я эдакой пригожицы,
- Какъ у того ли Данилы Денисьича,
- Еще та ли Василиса Никулична:
- И лицомъ она красна, и умомъ свершна,
- И русскую умѣетъ больно грамоту,

— И четью - пѣтью горазда церковному;
— Вотъ кого было бы назвать намъ матушкой,
— Величать намъ государыней!

Это слово больно князю не показалось,
Володиміру словечко не полюбилося:
„Что гдѣ это видано, гдѣ слыхано —
„Отъ живого мужа жену отнять!

А Мишаточка Путятинъ перемѣтливъ былъ,
На иную на сторонущу перекинулся:
— Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
— Не вели казнить, прикажи слово молвити:
— Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
— А воротится, аль нѣтъ Данилушка, —
— Никто того вѣдь не знаетъ, не вѣдаетъ“...

Это слово князю больно показалось,
Володиміру словечко полюбилося.

Тутъ возговорить старой казакъ,
Старой казакъ, Илья Муромецъ:
„Ужъ ты, батюшка, Володиміръ князь!
„Изведешь ты яснаго сокола:
„Не поймать тебѣ бѣлой лебеди!“

Это слово князю не показалось,
Володиміру словечко не полюбилося;
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишаточкой въ Черниговъ-градъ,
Прямо ко двору Данилы Денисьевича.

Онъ вѣзжаетъ на дворъ безопасочно,
 Во палатушку входитъ безопыльно.
 Тутъ возговорить Василиса Никулична:
 — Ты невѣжа, ты невѣжа, не отецкой сынъ!
 — Для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь?
 — Ты на дворъ - ать вѣжаешь безопасочно,
 — Въ палатушкуходишь безопыльно?

Отвѣтъ держать Мишаточка, Путятинъ сынъ:
 „Охъ ты гой еси, Василиса Никулична!
 „Не своей я волей къ вамъ въ гости зашѣлъ,
 „Прислалъ меня самъ батюшка Владиміръ - князь
 „Со тѣми ярлыками скорописными“.

Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошелъ.
 Стала Василиса ярлыки пересматривать:
 Заливалася она горючими слезами,
 Скидовала съ себя платье цвѣтное,
 Надѣваетъ на себя платье молодецкое,
 Сѣла на добра коня, поѣхала въ чисто поле
 Искать мила дружка Данилушку.

Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича,
 Возгорить ему таково слово:
 „Ты надежа, мой сердечный другъ,
 „Молодой Данилушка Денисьевичъ!
 „Что останное намъ съ тобой свиданьице!
 „Поѣдемъ - ка съ тобой къ широку двору“.

Тутъ возговорить Данила Денисьевичъ:
 — Охъ ты гой еси, Василисушка Никулична!
 — Погуляемъ - ка въ остатки по чисту полю,
 — Побьемъ съ тобою гуськовъ да лебедушекъ!---

Погулявши да поѣхали къ широку двору.
 А и малое прошло времячко,
 Собирается Давила опять въ чисто поле,
 Говорить Денисьевичъ таково слово:
 „Ты послушай - ка, Василиса Никулична,
 „Вынеси - ка мнѣ малой колчанъ каленыхъ стрѣлъ!“

...Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебедушекъ!

А на то слово Василисушка, будто ослышалась:
 Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
 Возговорить Данилушка Денисьевичъ:
 „Ты невѣжа, ты невѣжа, не отцака дочь!
 „Чего ради ты, невѣжа, ослушаешься?
 „Аль не чаешь надъ собою большаго?“

Василишушка на это не прогнѣвалась,
 Говорить ему да таково слово:
 — Ты надеженька, мой сердечный другъ,
 — Молодой Данилушка Денисьевичъ!

— Лишняя стрѣлочка въ чистомъ полѣ не обу-
— А при случаѣ стрѣла да пригожается! — [зушка,

Поѣхалъ свѣтъ Данилушка въ чисто поле,
Что на тѣ луга Леванидовы.
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлась, зачернѣлась сила русская.
Изъ того изъ города изъ Кіева
Не два слона въ чистомъ полѣ слоняются,
Не два сыра дуба шатаются:
Слоняются - шатаются два богатыря,
Идутъ прямо на Данилу Денисьича:
Его родной братъ Никита Денисьевичъ
И названный братъ Добрыня Никитиничъ.

Тутъ заплакалъ Данила горючими слезьми,
Во слезахъ онъ слово вымолвилъ:
„Знать, гораздо я князю сталъ ненадобень,
„Знать, Владиміру не слуга я былъ!“
Тутъ возговорить Данила Денисьевичъ:
„Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
„Братъ на брата со боѣмъ идетъ?“...

Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ въ сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ;
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.

Подъѣзжали къ нему два богатыря,
Заплакали объ немъ горючими слезами.

Поплакавши, назадъ воротилися,
Сказали про все князю Владиміру:
„Что не стало въ живыхъ молода Данилушки,
„Что того ли удалаго Денисьевича“.

Тутъ собираетъ Володиміръ поѣздъ - ать
Ѣхати ко городу Чернигову.
Пріѣхали ко двору Данилину,
Входятъ въ теремъ къ Василисѣ Никуличнѣ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста.

Возговоритъ Василиса Никулична:
— Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
— Не цѣлуй меня въ уста во кровавыя,
— Безъ мила друга Давилы Денисьича!

Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
„Охъ ты гой еси, Василиса Никулична!
„Наряжайся ты въ платье цвѣтное,
„Въ платье цвѣтное, подвѣнечное!“

Наряжалась она въ платье цвѣтное,
А съ собой брала булатный ножъ,
Поѣхала ко городу ко Кіеву.
Поверсталися супротивъ луговъ Леванидовыхъ,
Тутъ возговоритъ Василиса Никулична:
— Ужъ ты, батюшка Володиміръ князь!
— Пусти меня проститься съ милымъ дружкой,
— Съ милымъ дружкой, Данилой Денисьичемъ! —

Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей;
Подходила Василиса ко милу дружку,

Поклонялась она Данилѣ Денисьевичу,
 Поклонялась она, да восклонялася,
 Возговорить она двумъ богатырямъ:

- Вы подите, скажите князю Владиміру,
- Чтобъ не далъ намъ валяться по чисту полю,
- По чисту полю со милымъ дружкой,
- Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ!“

...Поклонялась она, да восклонялася.

Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
 Спорола Василисушка груди бѣлыя,
 Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
 Заплакали по ней два богатыря,
 Пошли они ко князю Володиміру:
 „Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
 „Не стало нашей матушки Василисы Никуличны,
 „Полегла она рядомъ съ Данилушкой,
 „Со милымъ дружкой Денисьичемъ.

„Говорила она, намъ наказывала,
„Чтобъ не далъ имъ валяться въ чистомъ полѣ“.

Пріѣхалъ Владиміръ во Кіевъ-градъ,
Выпустилъ Илью Муромца изъ погребѣ,
Цѣловалъ его въ голову, во темячко:
— Правду сказалъ ты, старой казакъ,
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Извели мы яснаго сокола,
— Не поймали мы бѣлой лебеди! —

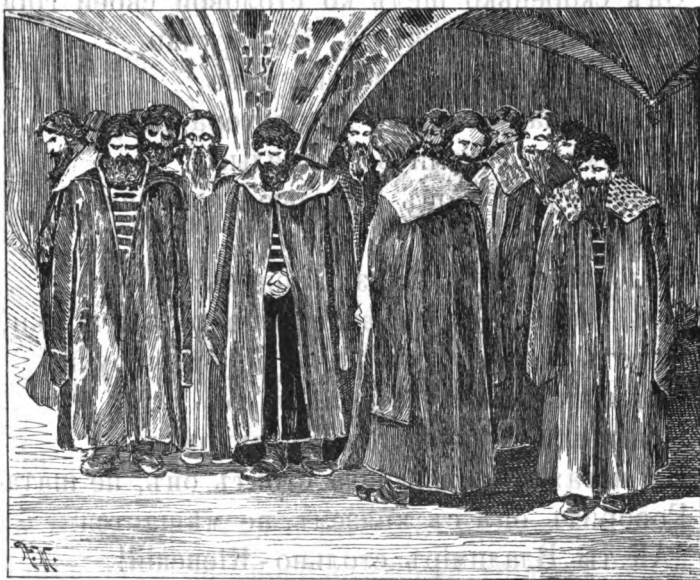
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котель.

11. РУССКІЕ БОГАТЫРИ ВЪ ОРДѢ СЪ ДАРАМИ.

Владиміръ князь стольво - Кіевской
Заводилъ почестень пиръ - пированьице
На многихъ князей, на всѣхъ бояръ,
На всѣхъ сильныхъ русскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ удалыхъ.

На честномъ пиру Владиміръ сталъ похаживать:
„Ай же вы мои князи - бояры,
„Сильные русскіе могучіе богатыри!
„Задолжалъ - то я королю Бутеяву Бутеяновичу
„За стары годы и за вынѣшній,

„Исполна государю за двѣнадцать годъ,
 „За двѣнадцать годъ да съ половиною.
 „Кого мнѣ послать отвезти дани выходы
 „За двѣнадцать годъ съ половиною.
 „Ко тому Бутеяну Бутеяновичу:
 „Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречевей,
 „Еще грамоту повинную?“

...Большая-то тулится за среднюю, средняя тулится за меньшую.

Всѣ богатыри за столикомъ умолкнули,
 Всѣ умолкнули и пріутихнули;
 Большая - то тулится за среднюю,
 Средняя тулится за меньшую, —
 А отъ меньшей князю отвѣту нѣтъ.

Говоритъ тутъ старый Перминъ, сынъ Ивановичъ:
 — Знаю я, кого послать поѣхати

- Ко тому-ли Бутяну Бутеяновичу:
- Послать молода Васильюшка Казимірова.
- Молодой Васильюшка Казиміровъ
- Отвезетъ онъ дани за двѣнадцать годъ,
- За двѣнадцать годъ да съ половиною. —

Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевской
 Онъ скоренько шелъ ко столовой своей горенкѣ,
 Бралъ онъ чарочку въ бѣлы ручки,
 Наливалъ - то чару зелена вина,
 Онъ не малую стопу да полтора ведра,
 Разводилъ медами все стоялыми,
 Подносилъ - то онъ Василью Казимірову.

Молодой Василій Казиміровичъ
 Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы ножки,
 Беретъ чарочку отъ князя во бѣлы руки,
 Принялъ чарочку одной ручкой
 И выпилъ чарочку однимъ духомъ;
 На ногахъ Васильюшка стоитъ онъ, не шатается,
 Говоритъ онъ съ княземъ, не мѣшается:
 „Ай ты Владиміръ стольно-Кіевскій!
 „Бду я къ Бутяну Бутеяновичу,
 „Везу дани за двѣнадцать лѣтъ,
 „За двѣнадцать годъ съ половиною;
 „Только дай ты мнѣ въ товарищахъ
 „Моего брата крестоваго,
 „Молодого Добрынюшку Никитича!“

Тутъ Владиміръ стольно-Кіевской .
 Онъ идетъ по столовой своей горенкѣ,
 Наливаетъ чару зелена вина,

Не малую стопу да полтора ведра,
Разводилъ медами все стоялыми,
Подносилъ къ молодому Добрынюшкѣ.

Молодой Добрынюшка Никитичъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ножки,
Принималъ чару отъ князя Владиміра,
Бралъ онъ чару одной ручкой,
Выпивалъ онъ чарочку однимъ душкомъ;
На ногахъ стоитъ Добрыня, не шатается,
Говорить онъ съ княземъ, не мѣшается:
„Ты Владиміръ стольно - Кіевской!
„Ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ,
„Везу дани за двѣнадцать лѣтъ,
„За двѣнадцать годъ съ половиною;
„Только дай ты намъ еще въ товарищахъ
„Моего брата крестоваго,
„Молодого Иванушка Дубровича:
„Чтобы было кому коней сѣдлатъ,
„Да и было кому разсѣдлывать“.

То Владиміръ князь стольно - Кіевской
Идетъ тутъ по своей столовой горенкѣ,
Беретъ чарочку Владиміръ во бѣлы руки,
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малу стопу да полтора ведра,
Разводилъ медами онъ стоялыми,
Подносилъ чару Иванушку Дубровичу.

Ставалъ Иванушка Дубровичъ на рѣзвы ножки,
Бралъ ту чарочку въ бѣлы ручки,
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной рукой,
Выпилъ чарочку Иванушка однимъ душкомъ.

На ногахъ стоитъ Дубровичъ, не шатается,
Говорить онъ съ княземъ, не мѣшается:

- Ты Владиміръ князь, стольно - Киевской!
- Ъду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ,
- Съ молодымъ Добрынюшкой Никитичемъ,
- Везу дани за двѣнадцать годъ,
- За двѣнадцать годъ да съ половиною! —

Молодой Василій Казиміровичъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Молодой Иванушка Дубровичъ - ать—
Выходили изъ-за столиковъ дубовыхъ,
Молились Спасу со Пречистою,
Говорили всѣ да таковы слова:

- „Ты Владиміръ нашъ, стольно-Кіевской!
- „Приноси намъ дани за двѣнадцать годъ,
- „За двѣнадцать годъ да съ половиною:
- „А двѣнадцать кречевей, двѣнадцать лебедей,
- „Еще грамоту повинную!“

Тутъ Владиміръ князь стольно - Кіевской
Беретъ онъ скоренько золоты ключи,
Идетъ на погреба глубокія,
Беретъ двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречевей
И даетъ имъ грамоту повинную.
Тутъ всѣ богатыри святорусскіе
Они Господу тутъ Богу помолилися,
На всѣ на три, на четыре сторонушки кланялися,
Да со всѣми молодцами попросилися
И съ самимъ княземъ и княгинею;
Сами думали думушку за-общую:
„Гдѣ намъ съѣхаться въ чистомъ полѣ?“

Говорилъ - то имъ Василій Казиміровичъ:
 — Ай же, братцы мои крестовые,
 — Ты славная дружинишка храбрая!
 — Съдлайте своихъ добрыхъ коней,
 — Съѣзжайтесь въ раздольице-чисто поле
 — У славнаго сыра дуба у Невина,
 — У славнаго у камени у Латыря,
 — На тѣхъ на дороженькахъ крестовыхъ! —

Съѣзжались молодцы въ чистомъ полѣ
 У сыра дуба у Невина,
 У того у камени у Латыря.
 Сходили молодцы тутъ съ добрыхъ коней,
 Ходили пѣхотой по чисту полю,
 Они думушку все думали крѣпкую,
 А и крѣпкую думушку великую:
 „Что намъ дальняя дорожка, не короткая.“
 Потомъ сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Они день ѣдутъ по красному солнышку,
 Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому мѣсяцу;
 Приѣхали къ Бутеяну Бутеяновичу,
 Съ добрыхъ коней молодцы опустили.
 Молодой Василій Казиміровичъ
 Онъ беретъ свое копьѣ Мурзавецкое,
 Втыкалъ въ землю копьѣ вострымъ концомъ,
 Добрыхъ коней къ копьѣ привязывалъ.
 Пораздернули они полотно бѣлое,
 Насыпали конямъ пшену бѣлоярову.
 Самъ беретъ дани подъ пазушку,
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречевей,
 Еще грамоту повинную,
 И пошли они въ палаты бѣлокаменные.

Молодой Василій Казиміровичъ
 На пята онъ двери поразмахивалъ.
 Они Господу Богу помолилися,
 Они крестъ кладутъ по-писанному
 Поклонъ ведутъ по-ученному,
 На всѣ на три, на четыре стороны низко кланялись,
 Самому Бутеяну Бутеяновичу въ особицу,
 Еще всѣмъ его князьямъ да подколѣннымъ.

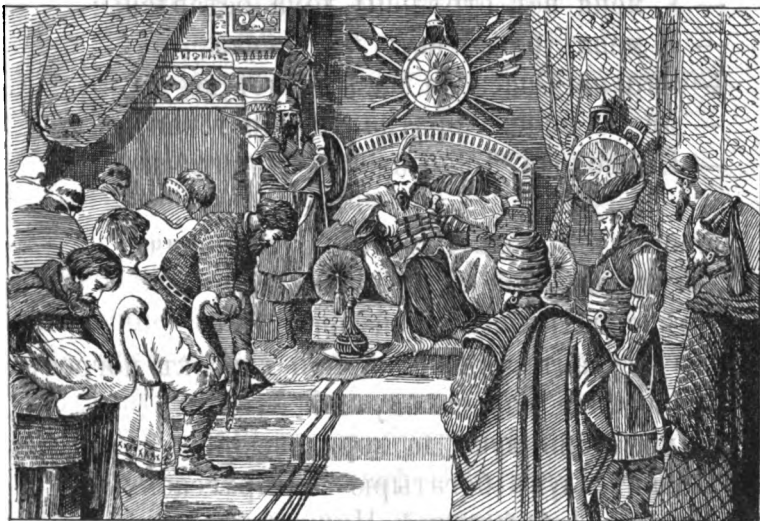
...Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому мѣсяцу.

Сталъ король у добрыхъ молодцевъ выпрашивать:
 „Вы откулешни, дородни добры молодцы?
 „Еще какъ-то молодцевъ васъ именемъ зовутъ,
 „Звеличаютъ молодцевъ васъ по отечеству?“

Говорилъ Василій Казиміровичъ:
 — Есте мы—со матушки святой Руси
 — Послы отъ славнаго отъ князя Владимира,
 — Привезли тебѣ дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною:

— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречевей,
— Еще грамоту повинную.

И положили поелы грамоту повинную.
Тутъ король - отъ Бутеянъ Бутеяновичъ
Садилъ пословъ за столикъ за дубовый,
Онъ ѣствушкой кормилъ ихъ сахарнею

...Положили грамоту повинную.

Онъ питьицемъ поилъ ихъ медвянымъ,
Потомъ говорилъ посламъ онъ таковы слова:
„Ай же вы, славные богатыри святорусскіе!
„Изъ васъ кто есть гораздъ стрѣлять изъ лука изъ
разрывчата,
„Пропущать умѣетъ стрѣлочку каленую
„По тому по острою ножевому,
„Да во то колечко серебряно,
„Чтобъ стрѣлочка катилася каленая,

„По тому катилася по острою пожевому,
„На двѣ стороны она шла бы вѣсомъ равна
„И угодила бы въ колечко серебряно?“

Говорилъ Василій Казиміровичъ:

- Ай же ты, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
- Я не зналъ твоей утѣхи королевской,
- У меня всѣ стрѣльцы дома оставлены;
- У меня только есть надѣюшка
- Что на Спаса да на Пречистую,
- Да на своего братца на крестоваго,
- На молода Добрынюшку Никитича.—

Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичъ:

- „Ай же вы, мои слуги вѣрные,
- „Двѣнадцать богатырей могучихъ!
- „Вы ступайте, идите на мой глубокъ погребъ,
- „Вы несите мой самолучшій лукъ,
- „Самолучшій лукъ да королевскій,
- „Подайте лукъ богатырю святорусскому,
- „Молоду Добрынюшкѣ Никитичу!“

Какъ эти двѣнадцать молодцевъ-богатырей
Несутъ они да королевскій лукъ,
Подносятъ къ молодому Добрынюшкѣ.

Молодой Добрынюшка Никитичъ

Береть - то онъ тугой лукъ разрывчатый,
Только сталъ онъ стрѣлочку накладывать,
Только сталъ тетивочку натягивать,—
Сталъ тугой лукъ въ рукахъ похрястывать,
Шелкова тетивочка стала полопыгать.

Говорить Добрыня таковы слова:

- Ай же ты, король Бутеянь Бутеяновичъ!
- Твое дрянное лучоночко пометное,
- Не изъ чего молодцу повыстрѣлить,
- Пропустить стрѣлочку каленую
- По тому острою по ножовому
- Во тое колечко серебряно.
- Ай же, братецъ мой крестовой,
- Молодой Иванушко Дубровичъ!
- Поди-ка ты къ моему коню богатырскому,
- Ко тому ко правому ко стремени,
- Отстегни мой тугой лукъ разрывчатый,
- Принеси лучонышко ко мнѣ сюда!

Тутъ идетъ Иванъ Дубровичъ на широкій дворъ
 Ко добру коню Добрыни Никитича,
 Ко правому стремени булатному,
 Отстянулъ онъ тугой лукъ разрывчатый,
 Подносилъ лучокъ къ брату крестову,
 Къ молоду Добрынюшкѣ Никитичу.
 Молодой Добрынюшка Никитичъ
 Онъ беретъ свой тугой лукъ разрывчатый,
 Становился на рѣзвы ножки
 Супротивъ колечка серебряна:
 Онъ три раза стрѣлялъ Добрынюшка Никитичъ
 По тому по острою ножовому,
 Угодилъ три раза въ колечко серебряно.

Онъ король - то Бутеянь Бутеяновичъ
 Становился самъ супротивъ колечка серебряна,
 Бралъ онъ свой тугой лукъ да разрывчатый,
 Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,

Натянул тетивочку шелковую.

Да спустил стрѣлу въ колечико серебряно.

Онъ первой стрѣлилъ — перестрѣлилъ,

Другой разъ стрѣлилъ — не дострѣлилъ,

Третій разъ стрѣлилъ — попасть не могъ.

Королю то дѣло не слюбилось,

Говорить король таковы слова:

„Ай же, славные богатыри святорусскіе!

„Кто изъ васъ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?

„Выходи тотъ на мой широкій дворъ

„Съ моими молодцами поборотися,

„У нихъ силушки великой пріотвѣдати!“

Говорилъ Василій Казиміровичъ:

— Ай же ты, король Бутяня Бутяновичъ!

— Я не зналъ твоей утѣхи королевской,

— У меня, что есть борцовъ, дома оставлены,

— У меня только надѣюшки,

— Что на Спаса, на Пречистую,

— Да на своего на братца на крестоваго,

— Молода Добрынюшку Никитича!

Молодой Добрынюшка Никитиничъ

Пошелъ бороться на широкій дворъ,

Силушки великой у татаръ попробовать,

Попробовать силушки да поотвѣдати.

А король тотъ Бутяня Бутяновичъ,

Молодой Василій Казиміровичъ,

Съ молодымъ Иванушкой Дубровичемъ

Выходили на крылечко королевское

Смотрѣть на эту борьбу богатырскую.

Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
 Сталъ онъ по двору Добрынюшка похаживать,
 На татаръ Добрыня сталъ посматривать.
 А стоятъ татары на широкомъ дворѣ:
 Во плечахъ - то у татаръ — велика сажень,
 Межу глазъ у нихъ — велика пядень,
 На плечахъ голова, какъ пивной котелъ.
 Они стали татары по двору похаживать,
 Стали молода Добрынюшку поталкивать.
 Молодой Добрынюшка Никитиничъ
 Какъ онъ сталъ татаръ да поотталкивать,
 Какъ онъ сталъ ихъ по двору покидывать;
 Повалило ихъ къ Добрынюшкѣ десятками.
 Еще видитъ онъ, что дѣло - то великое,
 Воскричалъ - то вѣдь Добрыня жалкимъ голосомъ,
 Жалкимъ голосомъ вскричалъ да во всю голову:
 — Ай же, братцы вы мои крестовые,
 — Славни русскіе могучи богатыри!
 — Ой побьютъ - то насъ татары во темной ордѣ,
 — Положить намъ здѣсь буйны головушки,
 — Не видать намъ больше града Кіева,
 — Не видать намъ князя Володимира
 — И съ княгинею Апраксіей королевичной!

Отворились тутъ ворота на широкій дворъ
 И пошло оттуда силушки чернымъ - черно.
 У того ли у Добрыни Никитича
 Ничего въ рукахъ у него не случилось,
 Нечѣмъ ему съ татарами поправиться.
 Онъ хватилъ татарина - то за ноги,
 Такъ онъ сталъ татаринომъ помахивать,

Сталь татаръ да поколачивать,—
А татаринъ-то вѣдь гнется, а не ломится.

Молодой Иванушка Дубровичъ-ать
Онъ сскакалъ съ крыльца королевскаго,
Бѣжалъ скоренько на широкій дворъ;
Не попалася Иванушкѣ палица желѣзная,
А попалася Дубровичу ось да телѣжная,
Дакъ онъ сталъ желѣзной осью помахивать.
Онъ какъ сталъ татаръ-то поколачивать.
Они вышли со двора да изъ широкаго
Да и пошли на городъ королевскій-ать,
Стали бить всю силушку поганую.
И куда идутъ они — тамъ улица,
Гдѣ повернутся — тамъ переулочекъ.
Они бились день съ утра до вечера,
Всю прибили силушку великую.

Говорилъ король Бутьянъ Бутьяновичъ:
— Ай же ты Василій Казиміровичъ!
— Уйми-ка ты богатырей святорусскіихъ,
— Чтобъ оставили мнѣ силы хоть на сѣмены.
— Получайте вы дани себѣ выходы
— И за стары годы и за нынѣшній,
— Исполна все государю за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ съ половиною. —

Молодой Василій Казиміровичъ
Онъ скорешенько идетъ да на широкій дворъ,
Садился Василій на добра коня,
Онъ поѣхалъ ко славному ко городу,
Онъ наѣхалъ-то на братцевъ на крестовыхъ,

И подѣхалъ къ молоду къ Добрынюшкѣ,
 Нагагалъ-то онъ свои да храпы крѣпкіе
 На его на плечи на могучія,
 И говорилъ ему Василій таковы слова:
 — Ай же ты, братецъ Добрынюшка!
 — А сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
 — Оставь-ка мнѣ хоть пообѣдати;
 — Да уйми еще братца крестоваго,
 — Молода Иванушку Дубровича.
 — Пойдемте-ка въ палаты бѣлокаменны
 — Къ королю Бутеяну Бутеяновичу
 — Получать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною.—

Они шли тутъ всѣ на широкій дворъ,
 Прямо шли въ палаты бѣлокаменны.
 Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать лѣтъ:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречевей,
 И принесъ самъ грамоту повинную;
 Еще принесъ онъ мису чиста серебра,
 А другую мису красна золота,
 Еще третью мису скатна жемчуга.

Выходили молодцы къ добрымъ конямъ,
 Скоро ѣхали опять чистымъ полемъ.
 Они день ѣдутъ по красному солнышку,
 Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Возвращаются къ князю къ Владиміру.

12. ЧУРНО ПЛЕНКОВИЧЪ.

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя Владиміра.
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многи князи и бояра,
И на русскіе могучіе богатыри.

Будеть день въ половинѣ дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ,
Князь Владиміръ распотѣшился,
А незнаемы люди къ нему появились;
Есть молодцевъ за сто человекъ,
Есть молодцевъ и поболѣ того,
Булавами головы проломаны,
Кушаками буйныя повязаны,—
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
„Бздили мы по полю по чистому,
„Сверхъ тоя рѣки Черегі,
„На твоємъ государевомъ займищѣ,
„Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
„Не наѣзживали звѣря прыскачаго,
„Не видали птицы перелетныя;
„Только наѣхали въ чистомъ полѣ:

„Ѣздитъ съ дружиною Чурило Пленковичъ;
 „Есть съ нимъ молодцевъ за пять сотъ;
 „Они соболи, куницы повыловили,
 „Изъ пещеръ лисицъ повыгнали,
 „Туры, олени повыстрѣлили,
 „И насъ избили, изранили;
 „А тебѣ, государь, добычи нѣтъ,
 „А отъ насъ, государь, жалованья нѣтъ“.

А Владиміръ князь стольно-кїевской
 Пьетъ онъ ѣстъ, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ.

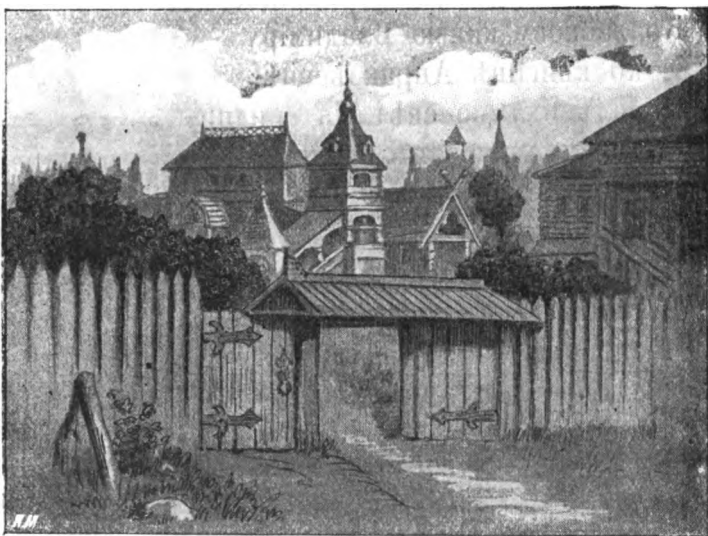
А и та толпа со двора не сошла,
 А иная толпа появилась;
 Есть молодцевъ за два ста,
 Есть молодцевъ и поболѣ того,
 Булавами головы проломаны,
 Кушаками головы повязаны,
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:
 „Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
 „Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
 „На твое счастье княженицкое
 „Не нашли рыбы ни большой и ни малой.
 „Ѣздитъ съ дружиною Чурило Пленковичъ,
 „Есть съ нимъ молодцевъ за пять сотъ:
 „Они всю бѣлую рыбицу повыловили,
 „Щуки, караси повыловили - жъ
 „И мелкую рыбицу повыдавили;
 „Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
 „Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
 „Отъ насъ, государь, жалованья нѣтъ“.

Владиміръ князь стольной кіевской
Пьетъ - ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа — молодцы сокольники,
Другая толпа — молодцы кречетники;
Всѣ они избиты - изранены,
Булавами головы проломаны,
Кушакѣми буйныя завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, Владимиръ князь!
„Бздили мы по полю чистому,
„Сверхъ тоя рѣки Черегѣ,
„По твоемъ государевомъ займищу,
„На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ;
„На твое счастье княженецкое
„Ничего не поймали, не видѣли
„Ни сокола, ни кречета перелетнаго;
„Только видѣли въ чистомъ полѣ:
„Бздилъ съ дружиною Чурило Пленковичъ,
„Есть съ нимъ молодцевъ за тысячу.
„Они всѣхъ ясныхъ соколовъ повыхватили
„И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
„А насъ избили - изранили,
„Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
„Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
„Отъ насъ, государь, жалованья нѣтъ“.

Тутъ Владимиръ князь спохватится,
Наскоро Владимиръ латился,

Скорѣй того кольчужился.
И бралъ онъ любимаго подручника,
Стараго казака Илью Муромца,
Бралъ молодого Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича,
Бралъ и княгиню Апраксию,—
И поѣхали къ Чурилушкѣ во Кіевецъ.

...Отворяетъ ворота вальщатя.

Встрѣчаетъ ихъ старый Пленчище:
Что для князя-то и для княгини
Отворяетъ онъ ворота вальщатя,
А князьямъ и боярамъ—хрустальныя,
Простымъ людямъ ворота оповянныя.
Во сѣни ведетъ во рѣшетчатя,
Во другія ведетъ частобѣрчатя,
Во третьи ведетъ во стекольчатя,
И въ терема ведетъ златоверхіе.

И такому - то князь диву дивуется:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря — и въ теремѣ заря,
И все въ терему по - небесному.

Приступалъ старый Пленчище
Ко ласкову князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣвнѣ,
Повель ихъ во свѣтлыя гридни,
Сажалъ за дубовые столы,
На первое мѣсто почетное;
Принималъ - сажалъ князей и бояръ
И могучихъ русскихъ богатырей.
Втапору были повары догадливые,
Носили они яства сахарныя
И сладки питья медвяныя,
А и питья — все заморскія.

Веселая бесѣда, на радости день;
Князь со княгинею веселъ сидитъ,
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ гости пьяны - веселы сидятъ,
А на дворѣ день вечерается,
Красное солнышко закатается.
Смотритъ Володиміръ князь,
Смотритъ въ окошечко косящато:
Какъ изъ далека - далека чиста поля,
Отъ матушки отъ Черegi рѣки,
Идетъ съ поля толпа людей:
Есть молодцевъ до пяти сотъ,

Есть молодецъ поболѣ того;
 Кони подѣ ними одношерстны,
 Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ - сукна,
 Источенками всѣ подпоясаны,
 Сапожки на ножкахъ зеленѣ сафьянѣ,
 Около носа - носа — яйцо кати,
 Подѣ пяту - пяту — воробей лети!

...Передѣ нимѣ несутѣ подсолнечникѣ.

Одинѣ молодецѣ получше всѣхъ:
 Волосики золоты, шея серебряная,
 У него личико—будто маковѣ цвѣтѣ,
 Очи—будто у ясна сокола,
 Брови—будто у черна соболя;
 Ъдетѣ ко двору Чурилипу.
 Передѣ нимѣ несутѣ подсолнечникѣ,
 Чтобѣ не запекло солнце бѣла его лица.

Говорилъ Владиміръ таково слово:

„По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,—
 „Князя, меня, въ домѣ не случилось,
 „Бдетъ ко мнѣ король изъ орды,
 „Или какой грозень посоль“.

Старый Пленчище самъ усмѣхается,

Отвѣчаетъ князю таковы слова:

— Изволь ты, государь, Володиміръ князь,
 — Со своею княгинюшкой Апраксіевной
 — И со всѣми своими князи и бояры кушати;
 — Что-де бдетъ не король изъ орды,
 — И не грозень посоль,—
 — Бдетъ-де дружинушка хорабрая
 — Моего сына Чурилы Пленковича.—

И пріѣхалъ Чурило ко двору своему;

Перво его скороходъ прибѣжалъ,

Заглянулъ скороходъ на широкій дворъ:

А и не куда Чурилъ на дворъ ѣхати

И стоять со своимъ промысломъ;

Поѣхали они на свой окольной дворъ

И тамъ становилися, убиралися.

Выходилъ тутъ старый Пленчище

На заднее переное крылечико,

Самъ говорилъ да таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!

„Есть у тебя любимый гость,

„Солнышко Владиміръ стольно-кіевской:

„Чѣмъ будешь гостя подчивати,

„Чѣмъ гостя будешь жаловати?“

Втапору Чурила догадливъ былъ,
Бралъ свои золоты ключи,
Шелъ во подвалы глубокіе,
Отпиралъ свои кованы ларцы,
И бралъ - то шубу соболиную,
Дорога - то соболя заморскаго,
Ушастаго соболя, пушистаго, —
Подарить князя Владиміра.
И бралъ камку бѣло - хрущату,
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Дарить - то княгиню Апраксию;
И бралъ золотой казны смѣты нѣтъ,
Дарить - то князей - бояръ.

Втапору Владиміръ князь, стольной кіевской,
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:

- Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
- Не довлѣетъ ти жить во Кіевцѣ,
- Подобаешь тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
- Въ Кіевѣ жить, князю служить. —

13. ЧУРИЛО ПЛЗНКОВИЧЪ и ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

о тоя Индѣи было во богатая,
Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ.

Онъ ходилъ-гулялъ по тихимъ по заводамъ,
Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
Всѣхъ повистрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ, да еще три стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.

Когда билъ онъ изъ-подъ камени.
 Изъ-подъ яхонта самоцвѣтнаго,
 Убилъ три орла и три орловича;
 Онъ не тѣхъ убилъ, которы летаютъ на святой Руси,
 А тѣхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ.
 Онъ ронить - то орелъ перьяца орлиныя;
 Когда идуть гости - корабельщики,
 Подбираютъ перьяцо орлиное,
 Развозятъ это перьяцо въ чужи земли,
 Продаютъ это перьяцо орлиное
 Подороже - то атласа и рыта бархата.
 Покупали мужики - то индѣйскіе,
 Приносили это перьяцо орлиное
 Его Дюкову - то батюшку въ подарочки, —
 А онъ самъ убилъ того орла - орловича.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ...

Снаряжался Дюкъ во стольно - Кіевъ - градъ,
 Посмотрѣть на князя на Владиміра
 И на русскихъ на могучихъ на богатырей.
 Говорить молодой Дюкъ своей матушкѣ:
 „Свѣтъ государыня моя матушка!
 „Честна вдова Мамелфа Тимоѣевна!
 „Долго - ли мнѣ жить дома, тѣшиться,
 „Во глумомъ во маломъ въ ребячествѣ,
 „Ходить по улушкѣ широкія?
 „Пора-время мнѣ съѣздить во далече-далече чисто
 „Поразмять своего плеча богатырскаго, [поле
 „Поразгонять своего бурушку косматаго,
 „Спробовать силы - удачи молодецкія“.

Говорить ему родна матушка,
 Честна вдова Мамелфа Тимоѣевна:

- Молодой Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ!
— Я даю тебѣ благословеньице ѣхать въ Кіевъ-
градъ,
— Посмотрѣть на ласкова князя на Владиміра
— И на русскихъ на могучихъ на богатырей;
— А охочъ ты упиваться въ зелено вино:
— Такъ ты не хвастай-ка своимъ художествомъ
— Супротивъ русскихъ могучихъ богатырей,
— Ты не хвастай животешками сиротскими,
— Сиротскими животешками вдовиными.—

Она давала - то ему прощеньице - благословеньице.
Садился Дюкъ на добра коня,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Кіеву.

На ту пору Владиміра князя дома не случилось,
Ушелъ-то князь Владиміръ во Божью церквѣ,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему кресту приложитися.
Идетъ Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ,
По славному по городу по Кіеву,
Да идетъ онъ во матушку Божью церкву.
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Да ихъ подлило водою дождевою,
Сдѣлалась грязь - то по колѣну - де;
Замаралъ онъ сапожки - то зеленъ сафьянъ.

Приходитъ во церковь во Божию:
Онъ крестъ кладетъ по-писанному,
Поклоны ведетъ по-ученому,
На всѣ на три, на четыре стороны поклоняется,

Самому князю Владиміру въ особицу,
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ:
„Здравствуешь, Солнышко Владиміръ стольно-
„И съ своей княгиней со Апраксіей!“ [кіевскій,

...Замаралъ онъ сапожки-то зелень сафьянъ.

По праву руку Владиміра
Стоитъ молодой Добрынюшка Никитиничъ,
По лѣву руку Владиміра
Стоитъ Чурилушка Пленковичъ.

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевской:

- Ты скажи, повѣдай, добрый молодецъ!
- Ты коей орды да изъ коей земли?
- Тебя какъ-то молодца именемъ зовуть,
- Величаютъ какъ удалаго по отчеству?—

Говорить удалый добрый молодецъ,

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

- „Я изъ той есть изъ Индѣи богатая
- „Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
- „Отстоялъ дома раннюю заутреню
- „И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ-де“.

Говорятъ всѣ князи да всѣ бояра

Тая-жь говорить да вся мелка четь:

- Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевской!
- Во глазахъ мужикъ-то усмѣхается,
- Во глазахъ-то онъ да поддыгается.
- Что не быть этому молодому боярину,
- Тому же ли Дюку Степановичу;
- А есть какой-нибудь дѣтинушка залѣшанинъ,
- Онъ убилъ купца, либо боярина,
- Надѣлъ платьевъ дѣтина, не выдавши ихъ:
- Все онъ дѣтина на платье поглядываетъ.—

Это слово Дюку не слюбилось;

Они Господу какъ Богу помолилися,

Ко Господнему кресту приложилися,

Выходили со матушки со Божьей церкви,

То пошли они по городу по Кіеву,—

Молодой Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ,

Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать:

„Я слыхаль - де отъ родителя отъ батюшки,
 „Что Кіевъ - градъ очень красивъ - добре;
 „Ажно въ Кіевѣ да не по - нашему:
 „Церкви - то у васъ всѣ деревянные,
 „У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
 „Мостовыя у васъ черной землею засыпаны,
 „Поддило - то ихъ водою дождевою - ли,
 „Сдѣлалась грязь - то по колѣну - де:
 „Замаралъ я сапожки свои зеленъ сафьянъ“.

Къ тѣмъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
 Какъ пошли они въ палаты бѣлокаменны,
 Къ Владиміру во гридни во столовыя,
 И сажались за столики дубовые
 И за тѣ скамеечки за окольныя,
 Сахарныя ѣствы они стали кушати,
 И тѣхъ бѣлыхъ калачиковъ рушати.
 Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановицъ,
 Онъ мякишъ ѣстъ, а корочки подъ столъ мечеть.
 Говоритъ Владиміръ стольно - кіевскій:
 — Ахъ же ты, удалый добрый молодецъ!
 — Ты зачѣмъ же мякишъ ѣшь, корку подъ столъ
 мечешь?

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановицъ:
 „Я слыхаль отъ родителя отъ батюшки,
 „Что Кіевъ - градъ очень красивъ добре,
 „Ажно въ Кіевѣ все не по - нашему:
 „У васъ печеньки - то все каменные,
 „Помялочки у васъ мочальныя,
 „Пихнуть калачикъ прямо въ золу горячую.
 „Чернымъ угольемъ калачики замараны.
 „Какъ у моей государыни родной матушки,

„У честной вдовы Мамелфы Тимофеевны
 „У ней печки - то - все муравленные,
 „А помялочки у нея да все шелковыя,
 „Печеть она калачики все крупитчатые:
 „Калачикъ съѣшь — другой хочется,
 „Другой съѣшь — по третьемъ душа горить“.

Говорить Владиміръ стольно - кіевскій:

— Я вижу, что ты, молодецъ, захвастливый! —

Тутъ подходит Чурилушко Пленковичъ —
 Въ одной тонкой рубашечкѣ, безъ пояса,
 Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ, безъ чоботовъ, —
 Говорилъ Чурила таковы слова:
 „Что же ты, холопина дворянская, порасхвасталась
 „Своимъ имѣніемъ, великимъ богатствомъ?
 „Ударимъ - ка со мною о великъ закладъ,
 „Чтобъ проѣздить намъ по городу по Кіеву
 „На добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 „На себѣ носить одежду бы все смѣнную,
 „Каждый день чтобы все снова - на - ново,
 „Снова - на - ново да что есть наилучшая!“

Говорить ему Дюкъ таковы слова:

— Ай же ты, Чурила Пленковичъ!

— Тебѣ просто бить со мною о великъ закладъ:

— Какъ живешь ты въ своемъ стольно - Кіевѣ,

— Кладовыя - то полны одежицы наполнены;

— А мое вѣдь дѣло есть дорожное,

— Мое платъице, стало, здѣсь завозное.

И ударилъ съ нимъ Дюкъ Степановичъ о великъ
 закладъ,

Чтобъ проѣздить три года по городу по Кіеву

На добрыхъ на коняхъ богатырскихъ,
На себѣ носить одежду бы все смѣнную,
Каждый день чтобы все ново-на-ново,
Снова-на-ново одежда дорогоцѣнная.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скорешенько сѣдился на червленый стулъ,
Скоро писалъ ярлыки скорописчаты,
Писалъ-то онъ письма, запечатывалъ,
Полагалъ ярлыки въ сумы переметныя;
И выходилъ Дюкъ на широкій дворъ,
Подходилъ къ коню богатырскому,
Полагалъ онъ эти сумки переметныя
Подъ славное сѣделышко черкасское,—
И спускалъ своего добра коня въ чисто поле.
Пошелъ его тотъ добрый конь чистымъ полемъ
Во славную Индѣюшку богатую.

Прибѣгаетъ добрый конь на широкій дворъ,
Усмотрѣли его Дюковы конюхи любимые,
Что прибѣжалъ-то добрый конь отъ Дюка Сте-
И сказали его родителю-матушки, [пановича,
Честной вдовѣ Мамелѣ Тимовеевнѣ:
„Видно нѣтъ жива Дюка Степановича“.

Тутъ она скорешенько бѣжала на широкій дворъ
Подходила ко добру коню,
Сама горько она заплакала:
„Ты роженое мое дитятко,
„Мой любимый сынъ Дюкъ Степановичъ!
„Положилъ, знать, ты свою буйну головушку
„Что на матушкѣ на святой Руси!“

Стали конюхи добра коня разсѣдывать,
Нашли они сумки запечатаны,
Подаютъ честной вдовѣ Мамелѣ Тимоевнѣ.
Она скоро-на-скоро сумочки распечатала,
Распечатывала письма, прочитывала,

...Распечатывала письма, прочитывала.

Она невѣсть какъ тому возрадовалась,
Что живъ-то ея любимый сынъ.
Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
Насыпать коню пшени бѣлоровой,
Подносить велить свѣжей ключевой воды.
Сама скоренько шла въ палаты бѣлокаменны,
Брала въ руки золоты ключи,
Шла она въ погреба глубокіе.

И складала, и укладывала одежицу драгоцѣнную
 По разсчету на три года поры-времени,
 Всякой день носить одежда снова-на-нова.
 Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
 Снова сѣдлатъ коня богатырскаго.
 Подъ сѣделышко черкасское
 Полагали потничекъ они шелковенькій,
 А подъ потничекъ клали письма скорописчаты,
 И привязывали къ сѣдлу одежи драгоцѣнныя,
 Отпускали коня въ стольно - Кіевъ - градъ.
 Шелъ добрый конь чистымъ полемъ, не замѣшкался,
 Онъ скорешенько прибѣжалъ въ стольно - Кіевъ -
 Ко князю ко Владиміру на широкий дворъ. [градъ

Выходилъ встрѣчь самъ Дюкъ Степановичъ,
 Скоро выходилъ онъ на широкой дворъ,
 Отъ этого сѣделышка черкасскаго
 Онъ снималъ одежицу драгоцѣнную,
 Изъ - подъ потничка шелковенькаго
 Вынимаетъ онъ письма скорописчаты
 Отъ своей родители отъ матушки,
 Честной вдовы Мамелфы Тимоѣевны;
 Потомъ шелъ въ палаты бѣлокаменны
 И одѣлъ одежи драгоцѣнныя;
 И поѣхали по городу по Кіеву
 Съ молодымъ Чурилушкой Пленковичемъ
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ.

Стали они ѣздить - то день за день,
 День за день и еще годъ за годъ;
 Проѣздили поры-времени по три году,
 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосскія,

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ - то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговики воплетено по доброму по молодцу,
Въ петельки вплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся — такъ обоймутся,
А разстегнутся — и поцѣлуются.
Поглянулъ Владиміръ на праву руку,
На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорилъ - то Владиміръ таковы слова:
„Молодой Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ.
„Прозакладалъ все свое имѣніе - богатство!“

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную,
Строчечка строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ,
Въ пуговики воплетено по доброму по молодцу,
Въ петельки вплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся — такъ обоймутся,
А разстегнутся — и поцѣлуются.
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька:
Спереду такъ введено красно солнышко
И сзади введенъ свѣтелъ мѣсяцъ,
А на верховьицѣ шляпы будто жаръ горить.
Да какъ сталъ онъ по пуговкамъ рукою поваживать,
Стали пуговка о пуговку позванивать:
Вдругъ зацѣли птицы пѣвучія,
Тутъ всѣ въ церкви ажно диву дались.

Говорилъ Владиміру Добрынюшка Никитиничъ:
— Ты Владиміръ, князь стольно - кіевской!

- Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
- Молодой Чурилушка Опленковичъ
- Прозакладаль свою буйную головушку!—

Говорилъ самъ Дюкъ Степановичъ:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Намъ которому съ Чурилой голова рубить?“

Подходить Чурилушка Пленковичъ,

Говорить Чурила таковы слова:

- Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
- Своимъ великіимъ имѣніемъ-богачествомъ?
- Ударимъ-ка со мною ты въ великъ закладъ;
- Чтобъ на своихъ на добрыхъ коняхъ богатыр-
скихъ
- Намъ разѣхаться съ раздольца чиста поля
- И скочить намъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
- Черезъ Пучай-рѣку на два поприща;
- А которой-то не можетъ перескочить,
- Тому изъ насъ и голову рубить!

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Говорить ему вѣдь таковы слова:

- Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
- Тебѣ просто бить со мною о великъ закладъ
- Какъ твой-отъ богатырскій конь
- Стоитъ у своихъ у конюховъ любимыхъ,
- Ъсть-то онъ пшеву бѣлоярову,
- Испиваетъ свѣжу ключеву воду;
- А мое-то есть конишечко дорожное,
- Дорожное конишечко, заѣзжено.—

Тутъ его сердце приужахнулось,
 Скоренько онъ бѣжалъ да на широкій дворъ,
 Паль - то онъ на стегну на лошадиную,
 Самъ - отъ онъ лежалъ да выговаривалъ:
 — Ай же ты, мой добрый конь богатырскій,
 — Не смѣю бить въ великъ закладъ,
 — Закладаться съ Чурилушкой Пленковымъ,
 — Скочить черезъ матушку Пучай - рѣку
 — На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ! —

Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣче-
 скимъ:

„Не убойся - тко страха, Дюкъ Степановичъ,
 „Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 „Перенесу я черезъ матушку Пучай - рѣку
 „На своихъ на подножныхъ крылахъ лошадиныхъ,
 „Не уступлю я братьямъ большимъ,
 „А не столько что брату меньшему:
 „Мой большой братъ у Ильи Муромца,
 „А средній братъ у Добрыни Никитича,
 „А я, третій братъ, у Дюка Степановича,
 „А четвертый братъ ужъ у Чурилы Пленковича“.

Тутъ онъ сшелъ въ палату бѣлокаменну,
 И ударили они о великъ закладъ,
 И стали добрыхъ коней засѣдывать.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Съ молодымъ Чурилушкою Пленковичемъ
 Поѣхали по славному раздольицу чисту полю.
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Твоя похвальба напередъ зашла,
 „Поѣзжай - ка, Чурила, ты попереди!“

Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку
 О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился;
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро-на-скоро скочилъ черезъ Пучай-рѣку,
 Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
 О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
 За желты кудри Чурилушку захватывалъ
 Да повыташилъ Чурилушку на крутой берегъ,
 Самъ говорилъ ему таковы слова:

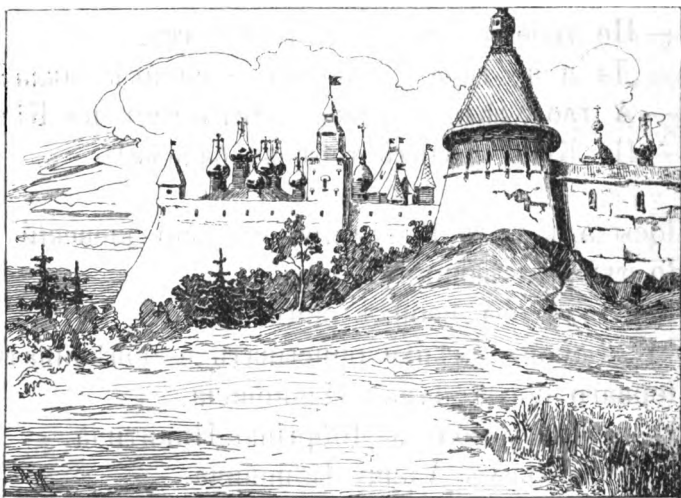
- Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
- Не твое-то дѣло есть охвастати,
- Да и не твое дѣло бить о великъ закладъ;
- А твое дѣло столько ходить тебѣ по Кіеву,
- По Кіеву ходить тебѣ за бабами!—

Посылалъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
 Во тую Индѣюшку богатую,
 Посылалъ онъ своихъ общѣнщиковъ
 Его Дюково имѣнье описывать и общѣнживать:
 Перваго посла Дуная Ивановича,
 Въ другихъ молода Добрыню Никитича,
 А во третьихъ Алешу Поповича.

Испроговорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Не посылайте-ка Алешеньки Поповича,
 „У Алеши глазешеньки завидливы,
 „А ему оттоль да вѣдь не выѣхать;
 „Посылайте-ко стараго казака Илью Муромца,
 „Илью Муромца да съ товарищи.
 „И не берите бумаги на три мѣсяца,
 „А берите вы бумаги на три года,
 „А на три года да еще на три дня“.

Какъ отправились они въ Индѣю во богатую,
 Подѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
 Повыстали на гору на высокую,
 Увидѣли Индѣюшку ту богатую,
 Сами говорятъ да таково слово:
 „Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 „Онъ послалъ, знать, туда вѣсточку на родину,
 „Чтобъ зажгли Индѣю ту богатую:
 „Ай, горить Индѣя та богатая!“

...Ай, горить Индѣя та богатая.

Какъ подѣхали они поближе - де:
 У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
 У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
 Сорочинскія суконца приразостланы.

Пришли они въ палаты бѣлокаменны,
 Ай, сидитъ жена стара - матера,

Стара - матера жена сидитъ вся въ золотѣ.
Они быють челомъ да поклоняются:
„Ты здравствуешь, Дюкова матушка,
„Честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!“

Говоритъ она таковы слова:
— Не есть - то я Дюкова матушка,
— А есть я Дюкова портомойница. —

Прошли они въ покои въ другіе:
Сидитъ жена стара - матера,
Еще болѣ того она въ золотѣ,
Она въ золотѣ, да она въ серебрѣ.
Они быють челомъ да поклоняются:
„Ты здравствуешь, Дюкова матушка,
„Честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!“

Говоритъ она таковы слова:
— Не есть - то я Дюкова матушка,
— А есть я Дюкова калачница. —

Говорятъ послы княженецкіе:
„Гдѣ же есть Дюкова матушка?“

Отвѣчаетъ жена стара - матера:
„Что ушла она къ обѣднѣ ко долгию.“

Идетъ она изъ церкви изъ Божія,
Двое - трое ю ведутъ подъ руки;
Она бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы здравствуйте, мужики вы общѣнщики!
— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
— Знать, сиротскихъ животншечекъ описывать? —

Садились они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они стали ѣсть калачиковъ крупитчатыхъ:
 Калачикъ - отъ сѣдять — другого хочется,
 Другой сѣдять — по третьемъ душа горить.
 Поили ихъ питьицами медвяными:

...Двое-трое ю ведутъ подъ руки.

Чарочку выпьютъ — губы слипаются,
 А другую выпьютъ — по третьей душа горить,
 А какъ третью выпьютъ — четвертая съ ума ней-
 деть.

Повела ихъ она во погреба глубокіе
 Описывать и общивать сбрую лошадиную.
 Писали они тутъ по три года,

По три года они писали, по три дни,—
Не могли общѣнить однѣхъ сбруй лошадиныхъ..

Повела она ихъ по другимъ погребамъ глубокіимъ:
Висятъ тамъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга,
А всему они не могли смѣты дать,
Описать того имѣнья богатства.

Тутъ писали они во стольно - Кіевъ - градъ
Ко славному ко князю ко Владиміру:
„Ты славный Владиміръ, стольно - кіевскій!
„Продай - ка свой стольно - Кіевъ - градъ
„На эти на бумаги на гербовыя,
„Да на чернила - перья продай еще Черниговъ -
градъ, —
„Тогда можешь Дюково имѣніе описывать!“

Говорилъ Владиміръ стольно - кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во градѣ во Кіевѣ,
— Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошрины!

14. ГОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Высота ли — высота поднебесная;
 Глубота — глубота океанъ - море;
 Широко раздолье — по всей землѣ;
 Глубоки омуты — Днѣпровскіе.

Изъ - за моря, моря синяго,
 Изъ лукоморья зеленаго,
 Отъ славнаго города Леденца,
 Отъ того - де царя вѣдь заморскаго,
 Выбѣгали - выгребали тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей, единъ корабль
 Славнаго гостя, богатаго,
 Молода Соловья, сына Будиміровича.
 Хорошо корабли изукрашены,
 Одинъ корабль получше всѣхъ.

У того было сокола у корабля
 Вмѣсто очей было вставлено
 По дорогу каменю — по яхонту;
 Вмѣсто бровей было прибivano
 По черному соболю сибирскому;
 Вмѣсто уса было воткнуто
 Два остра копья мурзавецкія,

И два горностая повѣшены,
 И два горностая, два зиміе.
 У того было сокола у корабля
 Вмѣсто гривы прибivano
 Двѣ лисицы бурнастыя;
 Вмѣсто хвоста повѣшено

...Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей.

На томъ было соколѣ - кораблѣ.
 Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
 Носѣ - корма по туриному,
 Бока взведены по звѣриному,
 Бѣгутъ ко городу Кіеву,
 Къ ласкову князю Владиміру.

На томъ соколѣ - кораблѣ
 Сдѣланъ муравленъ чердакъ;

Въ чердакъ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
 На бесѣдѣ-то сидѣлъ упавъ-молодецъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
 Говорилъ Соловей таково слово:
 „Гой еси вы, гости-корабельщики
 „И всѣ цѣловальники любимые!
 „Какъ буду я въ городъ Кіевъ,
 „У ласкова князя Владиміра,
 „Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
 „Чѣмъ свѣта жаловати?“

Отвѣчаютъ гости-корабельщики
 И всѣ цѣловальники любимые:
 — Ты славной, богатой гость,
 — Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
 — Есть, государь, у насъ золота казна:
 — Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;
 — Вторые сорокъ сороковъ бурнастыхъ лисицъ;
 — Есть, сударь, дорога камка,
 — Что не дорога камочка, — узоръ хитеръ:
 — Хитрости были Царяграда,
 — А и мудрости Іерусалима,
 — Замыслы Соловья Будиміровича:
 — На златѣ на серебрѣ — не погнѣваться. —

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ-градъ,
 Якори метали въ Днѣпръ-рѣку,
 Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 Товарную пошлину въ таможенѣ платили
 Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
 Со всѣхъ кораблей, со всего живота.

Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.

Идетъ во гридню во свѣтлую,—
Какъ бы на пята двери отворилися,—
Идетъ въ гридню упавъ-молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу онъ молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣвной на особицу;
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка,— узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда, мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича:
На златѣ на серебрѣ — не погнѣваться.

Князю дары полюбилися,
А княгинѣ — наипаче того.
Говорилъ ласковый Владиміръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
— Соловей, сынъ Будиміровичъ!
— Занимай двory княженецкіе,
— Занимай ты двory боярскіе,
— Занимай двory и дворянскіе! —

Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Не надо мнѣ двory княженецкіе,

„И не надо дворы боярскіе,
„И не надо дворы дворянскіе;
„Только ты дай мнѣ загонъ земли
„Не паханья и не оранья,
„У своей, осударь, княженецкой племянницы,
„У молодой Запавы Путятичной,
„Въ ея, государь, зеленомъ саду,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
„Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ“.

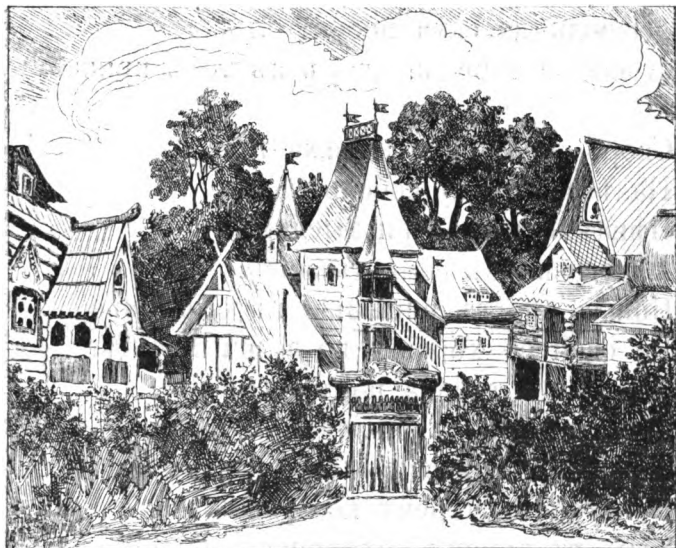
Говорилъ государь ласковый Владиміръ князь:
— На то тебѣ съ княгинею подумаю.—
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Не паханныя и не оранныя.

Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Гой еси вы, мои люди работные!
„Берите вы топорики булатные,
„Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
„Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“.

Съ вечера, позднымъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
Работала его дружина хорабрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатые.
Хорошо въ теремѣ изукрашено:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,

На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
 На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
 На небѣ заря — въ теремѣ заря,
 И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени;
 Ото сна - то Завава пробуждалася,

...Ко полуночи и дворъ поспѣлъ.

Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
 Въ вишенье, въ орѣшенъе,
 Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленый садъ:
 Чудо Запавѣ показалось
 Въ ея хорошемъ зеленомъ саду, —
 Что стоятъ три терема златоверховаты.
 Говорила Завава Путятична:
 — Гой еси, нянюшки и мамушки,

— Красныя сѣнныя дѣвушки!
— Подите -тко, посмотрите -тко,
— Что мнѣ за чудо показалося
— Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ?—

Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка, Завава Путятична!
„Изволь-ка сама посмотриѣть:
„Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло“.

Скоро-де Завава наряжается;
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговики въ семь тысячей,—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошѣ, во зеленый садѣ.
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ шелчить -молчить,—
Лежить Соловьева золота казна;
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
По-маленьку говорятъ, все молитву творятъ,—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными;
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.

Входила Завава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пятау,—
Больно Завава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,

Чудо въ теремѣ показалося:
 На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
 На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,

...Со вдовы честны, много-разумныи.

На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
 На небѣ заря — въ теремѣ заря,
 И вся краса поднебесная;
 Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

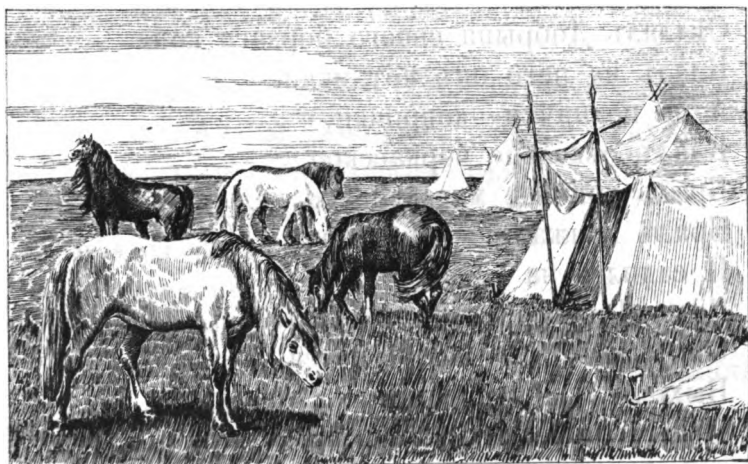
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,
 Бросалъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,—
 Тутъ они и помолвили;
 Цѣловались они, обнимались,
 Золотыми перстнями помѣнялися.
 Втапоры ласковый Владиміръ князь весель сталъ,
 А княгиня — наипаче того;
 Поднимали пирушку великую.

15. СЪ КАКИХЪ ПОРѢ ПЕРЕВЛИЛИСЬ ВИТЯЗИ
 НА СВЯТОЙ РѢКИ.

Выѣзжали на Сафать-рѣку,
 На закатъ краснаго солнышка,
 Три удалыхъ русскихъ витязя,
 Три могучихъ братца названныхъ:
 Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрыня молодець,
 Выѣзжалъ и матерой казакъ,
 Матерой казакъ Илья Муромецъ.
 Передъ ними раскинулось поле чистое,
 А на томъ полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, кряковистый.
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу,
 А вторая-то дорога къ стольному Киеву,

А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далекому, —
 Та дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
 Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.

Становились витязи на распутіи,
 Разбивали бѣлъ полотнянъ шатеръ,

...Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ.

• Отпускали копей погулять по чистому полю.
 Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
 Зеленую траву пощипываютъ,
 Золотой уздечкой побрякиваютъ;
 А въ шатрѣ бѣло-полотняномъ
 Витязи опочивъ держатъ...

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,

Умывался студенѣй водою,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣль-полотнянъ шатерь:
Въ томъ шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченкокъ;
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.

Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички—коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейце мурзавепкое,
Бралъ кинжалище булатное,
И садился на добра коня.
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Ископытъ мечетъ по сѣнной копнѣ.

Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ка, Татарченкокъ,
„Злой Татаринъ, бусурманченкокъ!
„Станемъ мы съ тобой честный бой держать.“

Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слетались-сходилися два удалые витязи.

Ломались копья ихъ острые,
 Разлетались мечи ихъ булатные.
 Сходили витязи съ добрыхъ коней
 И хватались въ рукопашный бой;
 Правая ножка Добрыни ускользнула,
 Правая ручка Добрыни удрогнула,
 И валился онъ на сыру землю:
 Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
 Поролъ ему груди бѣлыя,
 Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
 Выходилъ онъ на Сафать - рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолится чужду образу.
 Видитъ онъ коня Добрынина:
 Стоитъ борзый конь осѣдланый и взнузданный,
 Стоитъ борзый конь, только не веселъ,
 Потупилъ очи во сыру землю,
 Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
 Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.

Садился Алеша на добра коня;
 Осержался подъ нимъ добрый конь,
 Отдѣлялся отъ сырой земли,
 Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
 Металъ ископытъ по сѣнной копнѣ.

Что не бѣлъ во поляхъ забѣлѣлася:
 Забѣлѣлася ставка богатырская;

Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ покраснѣлася:
Закраснѣлась кровь съ печенью.
Подѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
„На честной бой, на побраночку!“

Отвѣчаетъ ему Татарченкокъ:
— Охъ, ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— Ваши роды неуклончивы,
— Не уклончивы ваши роды, неустойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!—

Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались на пиръ идучи,
„А хвались съ пиру идучи!“

Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися - слеталися два удалые витязя,
Ломалися копыя ихъ вострыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные.
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хваталися въ рукопашный бой;

Одолѣлъ Алеша Татарина:
 Валилъ его на сыру землю,
 Скакалъ ему на бѣлы груди,
 Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
 Вынимать сердце съ печенью.
 Отколь тутъ не взялся чернѣй воронъ,
 И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
 — Охъ, ты гоѣ еси, Алеша Поповичъ младъ!
 — Ты послушай меня, чернаго ворона:
 — Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
 — А слетаю я на сине море,
 — Принесу тебѣ мертвой и живой воды:
 — Вспрыснешь Добрыню мертвой водой.—
 — Срастется его тѣло бѣлое;
 — Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
 — Тутъ и очнется добрымъ молодцемъ.—

Втапору Алеша ворона послушался.
 И леталъ воронъ за сине море,
 Приносилъ мертвой и живой воды;
 Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
 Срасталось тѣло его бѣлое,
 Затянулись раны кровавыя;
 Вспрыскивалъ его живой водой,—
 Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
 Отпускали они Татарина...

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
 Выходилъ онъ на Сафать - рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,

Помолился чѣдну образу;
Видитъ онъ, — черезъ Сафать-рѣку
Переправляется сила бусурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
— Ой, ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
— Удалые братья названные! —

Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу бусурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчуть;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похвалятися;
„Не намахалися наши могѣтныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупилися мечи наши булатные!“

И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
— Подавай намъ силу нездѣшнюю:
— Мы и съ тою силою, витязи, справимся! —

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое Воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать!“

Не узнали витязи Воителей;
 Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзаго,
 Налетѣлъ на Воителей,
 И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало четверо — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало восьмеро — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи,
 Стали они силу колоть-рубить:
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть:
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.

Бились витязи три дня,
 Бились три часа, три минуточки,
 Намахались ихъ плечи могѣтныя,
 Уходились кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные:
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались могучіе витязи,
 Побѣжали въ каменные горы,
 Побѣжали въ темныя пещеры:

Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,—
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжитъ другой,—
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжитъ третій,—
Такъ и окаменѣтъ...

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись богатыри на свя-
той Руси.

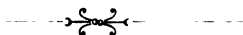
О Г Л А В Л Е Н І Е.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Вольгѣ Святославовичъ и Микула Селяниновичъ	1
2. Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ	8
3. Илья Муромецъ и Поляница удалая	23
4. Илья Муромецъ и Жидовицъ	29
5. Илья Муромецъ и Идолище поганое	35
6. Илья Муромецъ и Калинъ царь.	39
7. Три поѣздки Ильи Муромца	46
8. Добрыня Никитичъ и Змѣй Горыничъ	53
9. Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.	63
10. Данила Денисьевичъ и Василиса Никулична	78
11. Русскіе богатыри въ ордѣ съ дарами.	86
12. Чурило Пленковичъ	100
13. Чурило Пленковичъ и Дюкъ Степановичъ	108
14. Соловей Будиміровичъ	126
15. Съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси	134

Сводная редакція по сборникамъ: *П. Н. Рыбникова, П. В. Киртеевскаго, А. О. Гильфердинга, Кириши Данилова* и др.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

